

попаданец



Владимир  
Марков-Бабкин

1918:  
ВЕСНА  
ИМПЕРИИ

# Владимир Марков-Бабкин

## 1918: Весна империи

Серия «Империя единства», книга 1  
Серия «Попаданец (АСТ)»

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67724225](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67724225)*

*1918: Весна империи / Владимир Марков-Бабкин: АСТ; Москва; 2022*

### **Аннотация**

Другое прошлое. Другое будущее. Иная Россия. Империя. И наш попаданец на троне. Вроде привычный сюжет, но не всё так просто. Кровь. Грязь. Масса проблем. Война. Интриги. Множество скрытых от глаз обывателя пружин и механизмов внутренней и внешней политики – всё это «Мир Нового Михаила» и новый цикл «Империя Единства».

Первая мировая война окончилась намного раньше, чем в реальной истории. Германия не проиграла войну, Франция опрокинута революцией и приходит в себя, восстановив монархию, Россия взяла Проливы, Америка не успела к «разделу пирога», а Британия пытается спасти свою империю. Мир вновь на пороге войны. 1918 год наступил.

# Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	26
Глава III	49
Часть вторая	70
Глава IV	70
Глава V	90
Конец ознакомительного фрагмента.	108

# **Владимир Марков-Бабкин**

## **1918: весна империи**

*Посвящается моей семье.*

*Спасибо всем коллегам и читателям.*

*Отдельная благодарность Виталию Сергееву.*

**ЦИКЛ «ИМПЕРИЯ ЕДИНСТВА»**

**КНИГА ПЕРВАЯ**

**«1918: ВЕСНА ИМПЕРИИ»**

© Владимир Марков-Бабкин, 2022

# Часть первая

## Рождение нового мира

### Глава I

#### Крест Господень над Константинополем

**Империя Единства. Ромея. Константинополь. Собор Святой Софии. 4 мая 1918 года**

– О благочестивейшем великом государе нашем императоре Михаиле Александровиче, всея Единства России и Ромеи господине, всея ромейского мира самодержце, и о супруге его, благочестивейшей государыне, императрице Марии Викторовне, Господу помолимся...

В марлевой маске жарко и жутко чешется нос.

Сотни людей, в таких же точно белых масках, отвлеклись от ведущего церковную службу патриарха и обратили свой взор на меня. Осеняю себя крестным знаменем вместе со всеми.

Великая Суббота.

Ночь.

Пандемия.

Маски – новый мировой тренд.

Первая волна «американки», американского гриппа, известного в моей реальности как «испанка», шагает по планете. И пусть у нас пока все не так трагично, как в США, где счет заболевших уже идет на сотни тысяч, а число умерших приближается к пятидесяти тысячам, но первые серьезные вспышки в карантинных лагерях РOMEИ мы уже имеем, да и в самом Константинополе отмечены уже отнюдь не единичные случаи. Саму Россию пока вроде Бог миловал. Но это пока. Все у нас впереди.

Хорошо хоть, мой Минспас уже почти год усиленно готовится к этой внезапной (для не имеющих преимущества познания) пандемии. И уже полным ходом наращивает свои обороты, мобилизуя резервы и ресурсы после официального объявления мной «угрожаемого пандемического периода» в обеих империях, а военизированная Императорская Служба спасения, во главе со своим августейшим шефом императрицей Марией, приведена в полную боевую готовность.

США и революционную Мексику «американкой» уже накрыло. Не знаю, как там в Мексике Ленин будет справляться с этой напастью. Вероятно, так же, как и в моей реальности в России. Во всяком случае, с врачами в Мексике все довольно сложно и официальной статистики пандемии просто нет. В Европе Испания, Португалия и Франция уже охвачены всерьез, Римскую империю и Великобританию пока только зацепило. По остальным странам Европы, Латинской Амери-

ки, Африки, Азии и Австралии данные разнятся, но уже совершенно очевидно, что отвертеться и пропетлять не удастся никому.

Пришла пандемия.

Через месяц-два эта зараза будет у нас уже по-взрослому, а осенью в мире начнется вторая, самая страшная волна, а за ней и третья, так что тут уж мы никак не отсидимся в стороне. В моей истории только в России, если мне память не изменяет, умерло миллионов пять человек. Ну, или три миллиона, по официальной статистике, в том огрызке империи, который именовали РСФСР в моей реальности. Но это, как считали многие специалисты, сильно неполные данные. Понятно же, что в условиях Гражданской войны и всеобщей разрухи дела с учетом обстояли довольно скверно, да и вообще было не до того. Так что в реальности цифры наверняка были куда страшнее.

В любом случае я надеюсь, что в этом варианте событий погибших (и не только у нас) будет существенно меньше. Во всяком случае, делаю для этого все, что только возможно.

К сожалению, как я, впрочем, и ожидал, наши попытки купировать начало пандемии особым успехом не увенчались. Нет, спецам нашего мотоклуба «Легион» в те злосчастные дни марта вполне удалось изолировать в американском штате Канзас повара Альберта Гитчелла, который, насколько я помнил, по одной из версий считался «нулевым пациентом». Но то ли я плохо помнил, то ли нашелся другой «ну-

левой пациент», то ли дело было вообще не в нем, однако, невзирая на наши усилия, в течение недели на северо-востоке Канзаса от «американского гриппа» умерло более 500 человек.

Благо подписание мира на конференции в Стокгольме 1 марта 1918 года поставило точку в Первой мировой войне. Это дало нам сразу несколько серьезных плюсов в борьбе с пандемией «американки» по сравнению с моей историей.

Первый плюс – войска из США больше не отправлялись массово в Европу, а те, которые уже были во Франции, там пока и оставались в качестве ограниченного контингента, а потому американские солдаты не слишком шастали через океан и значительно меньше разносили заразу. Правда, сидели они во Франции в качестве средства давления на Великобританию, как раз затеявшую генеральное умиротворение Ирландии, но это уже другой вопрос. Важен сам факт.

Второй плюс – окончание войны позволило резко уменьшить скопление и серьезно улучшить санитарное состояние в армиях. Ношение масок объявлено обязательным (другое дело, где и как это выполнялось на практике). Усилились меры профилактики, гигиены и прочего мытья рук. Медицинский контроль стал лучше, больные выявлялись и изолировались достаточно быстро, а контактировавшие с больным изолировались на карантин. Солдаты же, отправляемые домой в результате демобилизации, обязаны были перед поездкой домой отбыть две недели в санитарных лагерях под

медицинским наблюдением. В разных странах, конечно, все это исполнялось по-разному, но в России и Румее меры были приняты самые жесткие и велась усиленная разъяснительная работа.

Третий плюс – больше не действовала военная цензура, бывшие воюющие страны, включая США, больше не должны были замалчивать взрывной рост заболевших, поскольку это уже никак не могло подорвать боевой дух армии и тыла. Наоборот, активные телодвижения в деле борьбы с внезапной заразой могли весьма ощутимо поднять популярность властей. А это, в свою очередь, позволило нам запустить информационную кампанию в Европе и США, с привлечением всякого рода докторов, профессоров, лидеров мнений, экспертов и прочих проходимцев, которые обратили вдруг свое пристальное внимание на вспышку в Америке гриппа нового типа и обильно давали (очень небезвозмездно) пространные комментарии в газетах и на радио. В общем, нам удалось обратить взоры мировой прессы на начало пандемии, что позволило властям в США и Европе среагировать значительно быстрее.

Закрывались границы и порты, вводились меры карантина и профилактики, массово шились медицинские маски, мылись руки и делалось многое из того, что в моей истории было сделано слишком поздно или не делалось вообще. Пусть пока это не носило тотального и всеобъемлющего характера, но тем не менее принятые меры должны были се-

рзезно уменьшить скорость распространения «американки» по миру.

Разумеется, я не был альтруистом-идеалистом-романтиком и никак не мог пройти мимо такого шикарного инсайда, и, как только «Легион» выполнил свою главную задачу – прислал подтверждение начала пандемии в Канзасе, я тут же сделал две вещи.

Первое. Я дал в Рим секретную команду князю Волконскому и графу Жилину через многочисленные аффилированные и прочие подставные структуры по всему миру начать давно запланированную игру на мировых биржах. На этом я рассчитывал весьма серьезно округлить свои капиталы, заведя по итогам грядущего биржевого обвала весьма крупные деньги на свои секретные счета. Впереди нас ждали модернизация, индустриализация, электрификация и прочий массовый ликбез, а потому мои «иностранные инвестиции» в мои же Россию и Ромею не будут лишними. Да и для тайных операций в Европе и мире мне нужна просто прорва денег. Одни карманные газеты и информагентства (дома и за рубежом) обходятся мне в круглую сумму ежемесячно. Особенно оппозиционные. Вообще же, статус великого дома стоил очень недешево во всех смыслах. Как говорится, привет Ротшильдам и покойным Шиффам. Последние знали толк в деньгах, но слишком часто путали берега.

Второе. Ко мне явилась Богородица.

Лично.

Нет, понятно, правильнее было бы, если бы она явилась к Маше, но та бы наотрез отказалась врать на такую тему. Прости меня, Господи, за мой страшный грех, но я же должен был как-то обосновать свое послезнание? Я мог бы промолчать, но предупредить человечество я же был обязан!

Ну, и немножко попиариться на этом, как же без этого.

И хорошенько на том заработать, как уже было сказано. Но ведь не корысти ради, и не на шлюх же, в конце концов, я эти гигантские деньги потрачу! Не так, как потратил в свое время мой расчудесный дядюшка Алексей, спустивший перед Русско-японской войной деньги российской кораблестроительной программы на всяких балерин – привет жующему соплю братцу Николаю, дай Бог ему всяческого здоровья!

Вон он, стоит неподалеку и крестится усердно. Деятель, прости Господи!

В общем, выступил я с официальным обращением в прессе и по радио. Мол, явилась ко мне Пресвятая Богородица и сказала, что грядет страшный мор и испытание для всех людей. Что мор уже шагает по Америке и вскоре обойдет весь мир. Короче, имеющий уши – услышит, имеющий глаза – увидит, кто будет готов – спасется. Фатимские чудеса вам знамения в том. В общем, Бог – в помощь. Аминь.

Конечно, не все отнеслись к моему выступлению серьезно. Немало было скептиков. Еще больше шутников-юмористов. Хватало и тех, кто осторожно намекал на то, что рус-

ского императора хорошо бы проверить на психическое здоровье. Но многие, особенно в России, Ромее да и в Риме, насторожились. Слишком уж хорошо были известны случаи многочисленных необъяснимых чудес вокруг нас с Машей, чтобы пренебречь этим заявлением.

Разумеется, апологеты все еще не искорененной ереси от «римского мученика за веру истинную», пытавшегося нас убить в Риме и кричавшего на всю площадь о том, что мы с Машей чуть ли не Антихрист с женой, сидящей на звере багряном, тут же вновь зашептались о том, что пророчества из Откровения Иоанна Богослова продолжают сбываться и конец света уже близок. И почему-то молва приплела к этому всему и «колдовскую Сухаревскую башню» в Москве. Впрочем, после «колдуна» Якова Брюса удивляться тут не приходится. Ну, это уже издержки производства, как говорится. Мои спецслужбы болтунам в помощь, Сибирь большая, а русские Death Mogoз и Кондратий обнимут там всех.

Но в результате этого всего внимание к проблеме пандемии привлечь нам удалось, и когда посыпались (не без нашей обильной финансовой помощи) сообщения о новой эпидемии, именуемой теперь, с легкой руки агентства «Proper News», «американкой», мое выступление начало обретать свой вес. Который, разумеется, конвертировался не только в обильную звонкую монету умницей Волконским и пройдохой Жилиным, но и в мощный пропагандистский эффект ведомством графа Суворина, являя миру очередное подтвер-

ждение божественной избранности благословенных Михаила и Марии, государей Единства России и РOMEи, и благословенности всех царств их. Ну или как минимум были свидетельством того, что Небеса к нам благоволят.

А поскольку сообщения вовсе не были фейком, а основывались, как говорят в таких случаях, на реальных событиях и научных фактах, то и подготовленная заранее пропагандистская кампания была весьма эффективной. Плюс к этому вся пресса Единства уделяла сводкам с пандемических фронтов очень большое внимание, показывая моим подданным, что вопрос это совсем нешуточный и готовиться надо всерьез.

Очень много усилий в деле профилактики приложила Маша, регулярно публикуя отрывки своего «Дневника императрицы» в нашем «Женском взгляде» – газете, «принадлежащей» имперскому комиссару камер-фрейлине поручику Иволгиной, и в римской «Sguardo femminile», которая была оформлена на графа Жилина, бывшего по совместительству еще и итальянским, а ныне римским бароном. Учитывая огромный тираж и популярность обеих женских газет, рассуждения Маши о проблемах здоровья, профилактики и прочей медицины, наряду с прочим, не могли пройти незамеченными. Во всяком случае, мода на медицинские марлевые маски уже пошла полным ходом по всей Европе и в Америке.

А я, в свою очередь, не мог отказать себе в циничном удовольствии заработать немножко нелишних денег на запуске

через того же Жилина предприятий по пошиву и продвижению дизайнерских «модных масок здоровья от Натали Иволгиной». В основном для элиты, разумеется, и тех, кто гнался за модой. Простым же людям в Ромее, в местах скопления народу и в больших городах, марлевые маски выдавали бесплатно, а в России все было готово к этому. Благо мы их шили уже почти целый год и продолжали шить.

Так что стою сейчас я в маске. От Иволгиной. Это уже бренд здесь.

Женские газеты, одежда будущего и модные маски.

И хотя угроза пока не так велика, но карантин объявлен, порты и границы закрыты, карантинные лагеря открыты, благо со времен завоевания Ромеи у нас их осталось немало, да и опыт в их развертывании и содержании Минспасом накоплен огромный.

Ну и, разумеется, не мог царь-батюшка не показать подданным пример. Сотнями тысяч экземпляров разоидется мой портрет в маске по всем империям моим. Возможно, спасет чьи-то жизни в итоге. Заодно и продажи масок «от Натали» увеличатся.

Впрочем, за счет одной только досрочной остановки Первой мировой войны я сохранил человечеству многие миллионы жизней. В одной только России, по моим прикидкам, по итогам войны в живых осталось на миллион (а может, и на полтора) человек больше, чем в известной мне истории. И это не считая массы людей, которые в этой реальности не

стали инвалидами. Я уж не говорю об отсутствии потерь от Гражданской войны и связанных с ней разрухи, голода, эпидемий и прочей эмиграции.

Нет, конечно, от эпидемий и даже пандемий я Россию полностью избавить не могу, но за счет отсутствия разрухи, значительно лучшего состояния здравоохранения и широко поставленной разъяснительной работы я надеюсь уменьшить потери и на этом фронте.

– Еще молимся о благочестивейшем великом государе нашем императоре Михаиле Александровиче, всея Единства России и Ромеи господине, всея ромейского мира самодержце, и о супруге его, благочестивейшей государыне, императрице Марии Викторовне, о державе нашей, народе нашем, воинстве нашем, победе, пребывании в мире, здравии, спасении его, и Господу Богу нашему наипаче поспешити и пособити ему во всех, и покорити под нозе его всякого врага и супостата...

Великая суббота.

Его божественное всесвятейшество архиепископ Константинополя – Нового Рима и вселенский патриарх Макарий II, сменивший на этом посту подавшего в отставку «по состоянию здоровья» Германа V, вел службу на церковнославянском и местном диалекте греческого языка, именуемом официально ромейским. Что ж, новые времена, новые реалии.

Я вот тоже усиленно учу ромейский, дабы иметь возмож-

ность общаться с подданными в Ромее. А заодно и итальянский учу, слишком уж плотные у нас стали отношения с возрожденной Римской империей, слишком уж большие амбиции и просто-таки гигантские деньги на кону. *Novum Pax Romanum* – не больше и не меньше. От Атлантики до Тихого океана, от Северного Ледовитого океана до Средиземного моря, Ближнего Востока и Святого града Иерусалима. Впереди Вторая мировая война, и мы к ней готовимся, сколачивая новый военно-экономический союз. Да и царственному тестю будет приятно, если я его уважаю, разговаривая с ним на его родном языке. В общем, не помешает вдобавок к моему английскому, французскому и немецкому еще выучить и итальянский, благо бывшая принцесса Иоланда Савойская с удовольствием мне в этом помогает. Так что мы дома в один день говорим на русском, в другой на ромейском, а в третий – на итальянском. Легче уже то, что нам теперь уже нет необходимости говорить по-французски, как это было с нами в первый месяц, когда Маша еще плохо говорила по-русски, а я итальянским не владел совершенно. Надо ж было нам с молодой женой как-то общаться помимо постели?

Сегодня на службе в Святой Софии я один. Маша будет молиться в нашей домашней церкви во дворце. Да, нам всем остается лишь молиться и ждать, ибо срок уже вышел.

Все мои империи ждут наследника престола. И, конечно, жду я.

А беременность была очень непростой.

Молимся. Надеемся.

И, конечно, верим в медицину, хотя в этом времени она не дай бог. Не средневековье, но и не мой 2015 год. От Рождества Христова.

Конечно, я предпочел бы, чтобы Маша рожала на изолированном острове Христа в Мраморном море, но раз уж я в прошлом году разгромил осман, завоевал Константинополь и заявил о возрождении Ромейской империи, то надо соблюдать и внешний антураж – наследник должен появиться на свет в Порфире – реконструированном багряном зале Императорского дворца, роль которого пока исполняет бывший дворец Долмабахче, именуемый ныне Дворцом Единства.

Хотя, конечно, это даст новый толчок разговорам вокруг Откровения Иоанна Богослова. Как там кричал в Риме тот сумасшедший, что бросил бомбу в наш автомобиль? «Шестой Ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного... И я увидел жену, сидящую на звере багряном... И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом... Горе, горе тебе, великий город! Рим – блудница вавилонская, вновь возрождается! Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть!»

Да, слишком уж нам благоволила судьба в прошлом году, чтобы у неокрепших умов не возникли подозрения, что дело тут слишком нечисто. Да так, что ого-го! Поражение

Османской империи и провозглашение РOMEИ. Небывалый и невозможный разгром немцев в сражении при Моонзунде, где Германия потеряла одиннадцать линкоров, не считая прочей мелочи. Другие победы на фронтах и в тылу. Постоянное и необъяснимое везение, мое и Маши, при многочисленных уже покушениях на нас, когда мы каждый раз оказывались невредимыми. Брошенная в нас тем безумцем-фанатиком бомба ведь тоже не взорвалась у нас под ногами! А тут еще в момент этих криков в Риме была толпа свидетелей в несколько тысяч человек. А Маша была к тому же в багряном платье и сидела на рыжей масти скакуне. И в тот день в Вечном городе была вновь провозглашена Римская империя! В общем, все одно к одному, готово дело – и пошло-поехало!

...По рядам пошло шевеление. Вынырнув из глубины своих размышлений, обнаруживаю, что начинается крестный ход, а значит, вслед за колонной священнослужителей мне предстоит идти впереди шествия мирян, пришедших на службу.

Выходим из врат древнего собора. Начинается крестный ход.

Впереди несут фонарь, за ним несут парой запрестольный крест и запрестольный образ Божией Матери. Далее идут двумя рядами, попарно, хоругвеносцы, певцы, свещеносцы со свечами, диаконы со своими свечами и кадильницами, за ними священники, младшие впереди. В последней паре свя-

щенников идущий справа несет Евангелие, идущий слева – икону Воскресения. Завершает шествие вселенский патриарх Макарий II с трисвещником и крестом.

Затем уж иду я, рядом со мной сестра Ольга, за нами идут и поют стихиру все остальные.

– Воскресение Твое, Христе Спасе,  
Ангели поют на Небесех,  
И нас на земли сподоби,  
Чистым сердцем,  
Тебе славити.

Беспрерывно звонят колокола.

Праздничная ночь. Мало кто спит сейчас в Константинополе.

И вроде много уже православных храмов в Царьграде, но многие захотели быть именно здесь, там, где император, молясь и надеясь. Вокруг собора Святой Софии толпятся те, кто не смог попасть внутрь. Полиция строго следит, чтобы у всех были на лице маски и чтобы не слишком плотно кучковались. Пусть пока «американка» у нас еще не слишком распространилась, но береженого Бог бережет.

Впрочем, когда до нас дойдет, вот тогда с храмами будут проблемы. Много и разных.

С трудом подавляю желание зевнуть. Не хватало еще на глазах тысяч подданных зевать на крестном ходе.

Что-то я задолбался за последние дни. И, наверное, сказалась накопившаяся за год усталость.

Не знаю, как у кого, а лично у меня ощущение от введения с 1 мая новоюлианского календаря такое, будто все тринадцать дней разницы вдруг спрессовали и обрушили на мою голову разом. Тем самым стремительным домкратом. Вот как поднялся на трибуну на Первомай, так и пошло. Пасха. Конституция опять же.

И так весь на нервах из-за Маши и ее тяжелой беременности, а впереди еще всенощная, нравится мне это дело или нет. Раз уж устроился императором на три ставки, то и отбывай номер за троих. И на Пасху, и на Первомай.

Я внутренне нервно усмехнулся. Какой же все-таки сюрреализм! Император принимает военный парад и приветствует демонстрацию трудящихся во время государственного праздника – Дня труда и служения обществу. В прошлом году Первомай я встречал в Москве, в этот раз уже в Константинополе.

Да, уже больше года я тут. С того самого дня 27 февраля 1917 года, по еще тогдашнему юлианскому календарю. И с 28 февраля пришлось устроиться на работу императором всероссийским. Не очень-то хотелось, но выбора у меня тогда не было. Да и сейчас нет.

Невольно кошусь на повороте на идущего за мной бывшего самодержца. Идет Ники, крестится, даже одухотворенно так крестится. Искренне. Что ж, он всегда был более верующим, чем я. И в те времена, когда тело мое всецело принадлежало прадеду моему, и уж после того рокового утра 28

февраля тем более.

Что поделатъ, я продукт третьего тысячелетия. Но там, по крайней мере, меня никто не обязывал ходить в церковь по воскресеньям, и храм в своем 2015 году я посещал, только когда душа и сердце этого требовали. Здесь же я должен являть миру и подданным образец христианского православного монарха, и тут уж ничего не поделатъ, поскольку церковь и православие являются одной из опор моей царской власти, могущественным инструментом влияния на умы и фактором геополитики.

Защитник и хранитель мирового православия. Не больше и не меньше.

Мое императорское всесвятейшество и величие, на секундо-дочку.

Поскольку церковь у нас пока не отделена от государства, то государство, в моем лице, в дела церкви вмешивалось самым решительным образом. Так, в обмен на переподчинение митрополиту Афинскому епархий Константинопольского патриархата на «новых территориях» Греции, помощь и некоторые «уступки» при уточнении новых границ в Малой Азии, король Греции согласился на избрание Германа митрополитом Афинским, то есть предстоятелем Элладской церкви. Урегулирование вопроса с территориальным подчинением епархий вызвало всплеск энтузиазма в Греции, и я надеялся таким образом слегка подсластить им пилюлю от того, что я «украл» у греков наивную и светлую мечту о том,

что, завоевав Константинополь, я всенепременно (по их мнению) передам его Греции.

Обойдутся. Мне такая корова нужна самому.

Освободившееся место Вселенского Константинопольского Патриарха занял мой ставленник Макарий, который ранее в качестве местоблюстителя короновал меня и Машу в Успенском соборе Кремля. Новый патриарх (не без моего участия) порешал все вопросы с признанием Болгарской церкви, поскольку всяческое укрепление союза с Болгарией мне было жизненно необходимо.

А сколько копий было сломано на недавнем Всеправославном соборе в Константинополе, даже вспомнить страшно. Шутка ли, вновь возрождена Ромейская империя, а значит, помимо восстановленного Московского патриархата, под моей рукой оказались еще и Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский патриархаты.

Собственно, фактически единственным решением первой части Всеправославного собора и был переход всех православных церквей на единый новоюлианский календарь. Фактически это решение я и продавил. Ну не может моя империя жить по разным календарям! Так что теперь и Россия, и Ромея живут по общемировому календарю, хотя формально на григорианский календарь мы не переходили. Да и не могли. Невместно сие. Политически неверно переходить православным церквям на латинский календарь. И пасхалии опять же.

Блин, как хочется спать...

Как там Маша? Томительно тянется время. Нет известий из дворца.

И вот мы дошли.

Макарий, трижды крестообразно назнаменовав кадилом затворенные церковные двери, возглашает:

– Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельней Троице, всегда, ныне и присно, и во веки веков!

Крещусь вместе со всеми. И Ники тоже. Впрочем, у Николая есть все поводы истово молиться. Как и мне. И у него жена вот-вот родит, и у меня. Тяжелые, прямо скажем, беременности у обеих. Но моя-то Маша молодая, хоть и первородящая, а вот Аликс совсем сдала, все время возят ее в инвалидном кресле. Но упорна в своем стремлении родить здорового мальчика и еще более упорна в своем безумном стремлении вернуть трон «законному наследнику».

И не смущает ее, что Ники и его наследники не имеют отношения ни к трону Ромеи, ни к трону Единства. Считает российский престол главным, и не могу сказать, что она так уж и не права. А значит, если действительно родится мальчик, то снова начнутся интриги и заговоры. Сколько раз уже больного гемофилией Алексея пытались посадить на трон вместо меня, а уж если родится здоровый мальчик, то соблазн будет еще большим. Ибо не нравлюсь я тут многим.

Открываются двери храма. Людской поток медленно вте-

кает в храм. Вокруг меня поют:

– Христос воскрес из мертвых,  
смертию смерть поправ,  
и сущим во гробех  
живот даровав.

Шла праздничная литургия, но мысли у меня были далеко.

Как там Маша? Все ли там хорошо? Она так тяжело перенесла последние месяцы беременности и очень ослабла. Лейб-акушеры выражают беспокойство и не скрывают этого.

Остается ждать. Надеяться. И молиться.

– О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их. Господу помолимся. О избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды, Господу помолимся. Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию. Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувшие, сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим.

Крещусь вместе со всем храмом. Да, это актуально для меня сейчас. Как никогда.

Хочется все бросить и бежать во дворец. Но государственные дела и протокол требуют моего присутствия здесь. Еще хотя бы два часа, если других известий раньше не случится.

Литургия шла своим чередом. Наконец патриарх возглавил:

– Христос воскрес!

– Воистину воскрес!

Вместе с тысячами присутствующих в храме отвечаю на приветствие вселенского патриарха Макария и осеняю себя крестным знаменем.

Вот и все, наступило 5 мая 1918 года. Пасха Христова.

– Государь!

Оборачиваюсь. Рядом со мной возник мой камердинер.

– Христос воскрес, Евстафий! Что случилось?

– Воистину воскрес, государь! Пожалуйте срочно во дворец! У государыни отошли воды...

# Глава II

## Багрянородные

**Империя Единства. Ромея. Константинополь. Собор Святой Софии. 5 мая 1918 года**

Николай крестился вместе со всеми. Что чувствовал сейчас бывший император?

Горечь. Оттого, что не справился и смалодушничал. Что не исполнил возложенную на него Господом Богом миссию. Что уступил. Что двадцать три года его правления едва не закончились революцией. Да, права Аликс – они вынудили его уйти, отречься от Богом данного родительского престола. Слишком он многое всем позволял, слишком был терпелив. Его тогда предали буквально все. Всюду была измена, трусость и обман. В штабах, в столицах, в высшем свете. Предали союзники и плели заговоры по его свержению. Ближайшие родственники ополчились против него и Аликс.

После убийства Распутина он вдруг со всей ясностью понял, что все против него и он ничего с этим уже сделать не сможет. Аликс требовала от него повелеть расстрелять участников убийства «нашего друга», но Николай знал, что стоит только отдать такой приказ, как против него ополчатся буквально все – весь высший свет и вся императорская фамилия. Скорый переворот стал бы неминуем. И это в условиях войны! И он тогда промолчал, ограничившись

сугубо символическими карами – ссылкой в имение и на фронт. Причем члены императорской фамилии вынудили его выбрать такой участок фронта, где «несчастному Дмитрию Павловичу» ничего бы не угрожало. Пришлось отправить его с глаз долой на Кавказский фронт, где его тут же взяли в оборот британские союзнички.

А впрочем, переворот был неминуем в любом случае. Ибо его все равно, как оказалось, предали все. Хотя внешне соблюдали лояльность и демонстрировали верноподданнические чувства. Но, по крайней мере, в своей армии и своих генералах император был уверен. И ситуация вовсе не выглядела такой уж катастрофической. В последние месяцы своего царствования он больше опасался именно дворцового переворота, мятежа небольшой группы военных и сановников или какого-нибудь гвардейского полка. Толп на улицах он не боялся, будучи уверенным в том, что армия вполне с ними справится. Справились же 1905–1907 годах. Правда, тогда не было войны, но ведь в Петрограде находился шестидесятитысячный гарнизон, а генералы Беляев и Хабалов уверяли, что войска безусловно верны и вся ситуация под контролем.

Разумеется, о заговорах, об изменнических разговорах в салонах высшего света, о консультациях различных групп заговорщиков, проходивших по всей столице, в том числе и в доме председателя Госдумы Родзянко, Николаю Второму докладывали регулярно. Министр внутренних дел настаивал

на принятии мер, но бывший самодержец тогда лишь отмахивался, считая вольницу Госдумы лишь сборищем опасных болтунов, за которыми нет реальной силы, а за ним, царем, была армия. В ней он был уверен. К тому же шла война, и устраивать политические потрясения в тылу, особенно в столице, Николай Второй считал опасным, предпочитая оставить разбирательство на послевоенное время.

И когда в тот злополучный вечер свалился с неба, словно снег на голову, родной брат Михаил, прилетевший на «Илье Муромце» из самой Гатчины в Могилев, и начал убеждать его в том, что заговор не только среди депутатов Госдумы, но и в армии, более того, в самой Ставке Верховного главнокомандующего, он ему, конечно, не поверил. А как можно было в это поверить, если сам Михаил был активным участником великокняжеской фронды и всячески пытался добиться от царя уступок и каких-то немислимых и богопротивных реформ? Хватит, Николай уже пошел на уступки, учредив Госдуму и разрешив партии. Что хорошего из этого получилось? К тому же министр внутренних дел докладывал, что заговорщики именно Михаила и планируют посадить на престол!

– Помяни Господи благовернаго и христоролюбивого государя нашего Михаила Александровича, императора всея Единства России и Ромей, всея ромейского мира самодержца, его же оправдал еси царствовать на земли, оружием истины, оружием благоволения венчай его, осени над главою его

в день брани, укрепи его мышцу, возвыси его десницу, удержи его царство, покори ему вся варварския языки брани хотящия: даруй ему глубокий и неотъемлемый мир, возглаголи в сердце его благая о церкви Твоей, и всех людех Твоих, да в тишине его тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте.

Разумеется, Николай брату не поверил, прекрасно зная его характер, его слабоволие и то, как легко он подпадает под чужое влияние. Ведь он явно говорил то, что невидимые кукловоды вложили ему в уста. Они, устами Михаила, хотели, чтобы царь остался в Могилеве, дабы держать его подальше от Петрограда, чтобы он не вмешался в их гнусные делишки. К тому же в Царском Селе Николая ждали болеющие дети, как он мог остаться?

И стоило императору уехать, как его родной брат, которого в тот день как будто подменили, тут же поднял мятеж в Могилеве! Убил (пусть и не своими руками) наштаверха генерала Алексеева, захватил Ставку, объявил о создании того незаконного «Временного Чрезвычайного Комитета спасения народа и России», который фактически узурпировал власть, заявив о том, что в Петрограде мятеж и правительство князя Голицына самораспустилось и что сам Николай Второй пленен некими заговорщиками, и пока его не удастся освободить, этот ВЧК принимает на себя всю полноту власти в стране.

Для императора стало шоком то, с какой легкостью

Этот самозванный комитет, воспользовавшись тем обстоятельством, что у императора в пути не было связи, захватил Ставку, объявил наштаверхом генерала Лукомского и полностью перехватил рычаги управления армией, *его* армией! Войска с фронтов двинулись на Петроград, а в нем самом уже хозяйничал полковник Кутепов, взявший под арест от имени этого ВЧК военного министра генерала Беляева и главнокомандующего Петроградским военным округом генерала Хабалова. Кутепов и его люди захватили Зимний дворец, телеграф, телефон, вокзалы и Министерство путей сообщения. Устроили настоящую бойню, открыв огонь из пулеметов по двинувшейся на захват МПС толпе демонстрантов во главе с Керенским, которого там, кстати, безумная толпа в панике и затоптала.

Отдал бы Михаил власть царственному брату, как громогласно обещал? Неизвестно. Говорит, что отдал бы. Но Николай в тот день морально сломался. Точнее, окончательно сломало его известие о том, что восстал его любимый царскосельский гарнизон и захватил Александровский дворец, загнав августейшую семью (!) в подвал (!!!). И самое страшное – от удара прикладом упал с лестницы и сломал руку цесаревич Алексей, в результате чего началось смертельно опасное при гемофилии кровотечение. Это добило Николая, и он поклялся Богу, что если Он смилостивится, остановит кровотечение, и с августейшей семьей ничего не случится, то он отречется от престола и передаст его брату, раз уж тот

и так уже фактически взял власть в свои руки.

Михаил, правда, возражал, но царь настоял на отречении и передаче короны.

Жалеет ли он об этом своем решении? Да!!! Пожалел уже тысячу раз и стократно проклял свое малодушие за истекший год!

Ибо все, что было дорого Николаю, вся та патриархальная исконность и умиротворенность, завещанное предками самодержавие, весь уклад жизни, все, казавшееся нерушимым, оказалось совершеннейшим образом нарушенным теми безумствами и теми богопротивными реформами, которые устроил его брат!

Чего только стоила Конституция! Николай было тешил себя надеждой, что Михаил Второй лишь декларирует это безумство, пообещав восстановить действие Конституции сразу после окончания войны, а в обмен распустил парламент и сконцентрировал в своих руках всю полноту фактически самодержавной власти. Но нет, намедни вышел Манифест Михаила Второго о восстановлении действия Конституции в полном объеме уже с 5 мая – со дня Пасхи Христовой! А выборы эти?! Это ж надо было додуматься, объявить прямое, всеобщее, равное, тайное избирательное право! И даже дать права женщинам! Николай с ужасом и тоской ожидал результатов выборов, заранее прогнозируя такой состав парламента, что...

А земельная реформа? Фактическая национализация зем-

ли и раздача ее этому мужичью!

Нет, нужно отдать должное Михаилу, в некоторых вопросах он преуспел, тут ничего сказать нельзя. Войну он вел успешно, разгромил немцев при Моонзунде, провел несколько успешных наступательных операций, фактически выбив германцев из оккупированных русских территорий (ну, кроме Польши, которой пришлось дать независимость под двойным протекторатом России и Германии), присоединил к России Галицию и Западную Армению, нанес катастрофическое поражение Османской империи и исполнил вековую мечту русских правителей – взял Константинополь и Проливы. Но и тут у Николая были претензии и несогласие с политикой брата – зачем было провозглашать эту самую Ромею?! Почему он не присоединил новые земли к России? Это же безумие! Нет, и тут права Аликс, которая все время говорит о том, что Михаил это сделал специально, чтобы учредить новые короны, к которым Николай и его наследники не будут иметь отношения, а значит, и прав на престол!

Правда, Ники и с Аликс не был во всем согласен. Она все время требовала от него заявить о том, что он отрекся под давлением, что отречься он не имел права, а потому его отречение недействительно. Но тут Николай согласиться не мог, он отрекался сам, по своей воле. И пусть он жалеет о своем решении, но он клялся перед Богом в верности новому императору.

Впрочем, Аликс настаивала, что отречься за сына он

точно права не имел, даже если сам Николай такой дурак, а потому законным наследником престола Всероссийского является Алексей Николаевич, а не самозванный узурпатор Мишка. И вообще, правы, мол, люди, которые говорят, что нечисто дело, что продал душу сами-знаете-кому Михаил за то, чтобы стать императором. А может, даже и хуже все, и грядет скорый конец света, и что не дай Бог родит эта итальянка мальчика, мы и не такое увидим!

И что долг Николая, долг его перед Богом, вернуть себе и сыну корону, спасти мир и Россию...

– Ваше императорское высочество! Христос воскрес!

Николай обернулся к подошедшему адъютанту.

– Воистину воскрес, Петр. Что случилось?

– У ее высочества начались схватки!

## **Империя Единства. Ромея. Константинополь. Дворец Единства. Порфира. 5 мая 1918 года**

В предпокоях Порфиры, превращенной в родильный зал, меня уже ждала одетая в белый медицинский комбинезон камер-фрейлина ее величества поручик Наталья Иволгина.

– Христос воскрес, Натали! Как там дела?

– Воистину воскрес, ваше величество! У государыни начались схватки.

– Понятно. Бегу!

Спешу в соседнюю комнату, предназначенную для переодевания перед входом в родильный зал. Быстро стягиваю с

себя все и в душ. Времени мало, но заразу с улицы заносить в Порфиру я вовсе не собирался. Тем более после такого скопления людей в Святой Софии и вокруг нее.

Вновь облачаюсь в одежду, но уже в стерильный медкомплект. Пришлось выступить тут законодателем врачебно-хирургической моды и потребовать введения стерильных медицинских комбинезонов с капюшоном, обуви, перчаток и прочего, включая ртутно-кварцевые лампы Кёха, лучами которых обеззараживали помещения. Так что и в этом вопросе добрый царский пендель помог прогрессу человечества, и применение кварцевания в операционных в этой истории началось на два десятка лет раньше, чем в моей реальности. Пришлось, правда, выкупить все права на эту установку и выделить деньги, ресурсы и людей на проведение медицинских испытаний. Но мы справились. Мы успели.

Осталось как следует запустить свечной заводик и хорошенько расторговаться.

Спешу к входу в Порфиру, Натали распахивает дверь, и мы входим в родильный зал.

Императрица была очень бледна, в глазах стояли слезы. Ободряюще улыбаюсь:

– Ты как, малыш?

Маша всхлипнула.

– Я никогда не думала, что это будет так... больно...

– Дышите, государыня. Вам лучше не сбивать дыхание на разговоры. – Улезко-Строганова, делая свои врачебные



Господи сохрани Их на многая лета.

Патриарх Московский и всея Руси Антоний II возглашал царское многолетие.

Генерал граф Маниковский, едва скрывая свою неприязнь, покосился на стоявшего рядом генерала графа Кутепова, усиленно крестящегося вместе со всем храмом. Впрочем, их неприязнь была взаимной, и обычно оба не считали нужным это скрывать, если речь, конечно, не шла о публичном мероприятии. А сейчас было именно такое.

И глава Правительства Российской империи был более чем уверен, что фактический местоблюститель Михаила Второго в России граф Кутепов специально выбрал для присутствия именно храм Христа Спасителя, чтобы лишний раз досадить ему лично. Ведь мог же он пойти в Успенский собор в Кремле?! Мог!!! Ему всего-то надо было выйти из Дома империи, перейти Сенатскую площадь да мимо Чудова монастыря пройти! Ан нет! Вызывал машину, охрану и поехал сюда! И специально встал рядом!

Маниковский досадовал на самого себя за то, что не пошел в церковь Николы во дворе Дома Правительства, именуемого еще Домом Пашкова. Нет, захотелось ему быть в центре внимания прессы, поехал в главный храм империи. Но с другой стороны, резон в этом был, раз уж он собрался оставаться в политике и после назначенных на 14 октября выборов в пятую Государственную думу. Хотя, конечно, Маниковский не рассчитывал на то, что ему удастся остаться на

посту премьер-министра и после выборов. По Конституции, введенной сегодня в действие, император вносит представление на главу правительства после консультаций с фракциями парламента, и понятно, что будет внесена кандидатура, которая будет иметь шанс собрать большинство голосов в Госдуме. Причем кандидатура эта должна быть в обязательном порядке из числа самих депутатов. И если с обретением мандата депутата Алексей Алексеевич особых проблем не видел, то вот с возможностью набрать большинство голосов за свою кандидатуру он прогнозировал большие проблемы.

Конечно, в теории Михаил Второй мог ткнуть пальцем в любого из депутатов, но заранее непопулярная фигура просто не наберет голосов в зале. А Маниковский был полон мрачных предчувствий насчет состава новой Думы.

На самом деле, многие критиковали императора за то, что он вообще допустил прямое, всеобщее, равное, тайное голосование на выборах – пресловутую «четырёххвостку», от которой так яростно отказывался прежней царь Николай Второй. Говорили, что это ошибочное решение императора, что Россия не готова к этому. Указывали на то, что в аграрной стране, которой Россия еще долго будет оставаться, в парламенте большинство наберут именно те партии, которые поддержат крестьяне, или как сейчас модно говорить – аграрии. Причем большей частью именно сельская беднота, раз уж ей дали равные права на голосовании. Со всеми вытекающими отсюда катастрофическими для государства последствиями.

Есть ли у Михаила Второго своя стратегия по данному вопросу? К сожалению, граф Маниковский мог лишь догадываться о ходах и планах императора, поскольку тот не всегда считал нужным делиться своими мыслями и проектами с главой российского правительства. Что самого Маниковского весьма злило и оскорбляло. Вот с той же своей сестрой Ольгой, местоблюстителем и канцлером Ромеи, он наверняка куда более откровенен, а уж юная императрица Мария, как представляется графу, о планах царственного мужа знала вообще практически все. Порой ее явная осведомленность в неизвестных Маниковскому вопросах была весьма раздражающей.

А став августейшим шефом Императорской Службы спасения, она вообще развернула бурную деятельность, невзирая на свою беременность. ИСС и весь Минспас фактически вышли из подчинения Маниковского, став надимперскими структурами в прямом подчинении императора Единства. Как и МИД, и Минобороны, и Мининформ и даже Росрезерв. Что означало вывод из управления правительством огромных резервов и ресурсов.

Вот, кстати, и стоящий рядом граф Кутепов может знать о планах Михаила Второго больше, чем глава русского правительства. Конечно, ведь он возглавляет Императорский Ситуационный центр, а не какой-то там Совет министров Российской империи!

Алексею Алексеевичу порой казалось, что штат Ситуаци-

онного центра по численности может сравниться со штатом всего его правительства.

Понабрали зачем-то аналитиков и прочих координаторов, да столько, что те занимали несколько корпусов в Кремле! А также всех тех, кто служит в Петровском путевом дворце, в Марфино, в Гатчине, в Ялте, в Меллесе, в Константинополе, на Мраморном острове, на острове Христа и даже в Риме!

Одних телеграфных и телефонных проводов идет теперь в Кремль целая куча, не считая радиостанций.

Сидят, надзирают.

Злило ли это графа Маниковского? Еще как!

Порой казалось, что ни одно важное событие, ни одно важное решение и ни один серьезный документ в империи не проходил мимо внимания этой структуры, которая официально ни во что не вмешивается. Но поступающие время от времени указания, а то и одергивания, говорили о том, что царь держит руку на пульсе и следит за происходящим. Даже, скорее, именно надзирает.

Император явно извлек урок из печального опыта своего царственного брата, который нередко пускал дела на самотек и часто оказывался вообще без связи с внешним миром. Михаил Второй ни на минуту не оставался вне, как он любил выражаться, зоны связи. В любом месте, где бы он ни находился, рядом с ним был дежурный офицер Ситуационного центра, а в поезде, на яхте и на дирижабле были радиостан-

ции, не говоря уж о его дворцах, резиденциях и командных пунктах.

Так что Маниковский сомневался, что ситуацию с предстоящими выборами император не держит под контролем и не готовится к ней. Тем более что в его распоряжении весь аппарат Министерства информации и все таланты банды сумрачного гения пропаганды графа Суворина. А эти подметки на ходу отрежут и продадут тебе же, но по двойной цене. Да еще и спасибо скажешь.

Но с другой стороны, Маниковский слабо представлял себе, как Михаилу Второму удастся избежать формирования по итогам выборов радикально-социалистической пятой Госдумы, которая вполне может установить в России такое левацкое правительство, что все проблемы Николая Второго с четвертой Госдумой покажутся детскими шалостями.

Так что граф испытывал даже какое-то злорадное предвкушение от предстоящих выборов и очень хотел бы посмотреть на выражение лица Михаила Второго, когда он узнает разгромные для него результаты выборов! Это станет закономерным итогом всей ошибочной политики царя.

И хорошо, если после этого обойдется без Гражданской войны.

Нет, конечно, все эти лозунги о служении и идеи освобождения дадут царю и его партиям какой-то процент голосов, но граф не верил в то, что им удастся набрать большинство в парламенте.

Вообще же, политикой нового императора были недовольны очень и очень многие. Слишком радикальные реформы он затеял, слишком круто взял, слишком многих ущемил и обидел.

Даже то, что Михаил Второй не стал включать в состав России все завоеванные земли, а вместо этого создал Ромею, вызывало раздражение и недовольство у многих из тех, кто рассчитывал получить доступ к новым ресурсам сейчас и особенно после того, как осенью пройдут выборы и будет сформировано новое правительство. А тут оказалось, что и Ромея вне ведения этого правительства, да еще и объединенные министерства, вроде Минспаса и Росромрезерва, уплыли со всеми ресурсами и возможностями делать на этих ресурсах хорошие деньги. Плюс еще и великая княгиня Ольга Александровна установила жесткий контроль над денежными потоками в Ромее, не давая заинтересованным лицам перенаправлять эти потоки себе в карман.

Разумеется, самым сложным и скандальным был Манифест о земле, фактически национализировавший всю землю в империи, и установивший ограничения на максимальные и минимальные размеры земельных участков, и прямо запрещавший владение сельскохозяйственными угодьями лицам, которые не занимаются аграрным производством.

Нет, слово «национализация», конечно, не совсем подходило под определение проведенной реформы, поскольку все бывшие землевладельцы получили от государства «компен-

сацию» в виде пятипроцентных облигаций госзайма на всю сумму, в которую был оценен национализируемый участок по рыночным ценам. Более того, все желающие могли обменивать свои облигации на какие-то государственные активы и концессии на такую же сумму. Но, во-первых, далеко не каждый вообще способен к какому-то предпринимательству. Во-вторых, этим беспокойным делом надо заниматься, а не ездить в Ниццу на воды или попивать наливочку в саду, как привык. В-третьих, активы государство не раздавало просто так, а обязательно требовало «план развития», в котором надо было четко указать, как будет использоваться, к примеру, полученный участок промышленного назначения, что на нем будет построено и так далее. И, с одной стороны, государство всячески приветствовало тех, кто вкладывал свои облигации и живые деньги в новые проекты, и даже устанавливало различные льготы, в том числе и налоговые, но, с другой стороны, если в установленные сроки на участке не будет построен оговоренный объект и он не начнет работу, то участок вновь отходил государству, причем безо всякой компенсации со стороны казны.

Именно поэтому большинство бывших землевладельцев предпочитало просто получать свои дивиденды по облигациям и сквозь зубы ругать царя.

Впрочем, были немало и тех, кто удачно вложил свои облигации и деньги в новое дело. И тут близость к власти и ее чиновникам, как всегда, имела огромное значение. Часто

отнюдь не безвозмездное.

Хотя за последний год открыто брать на лапу чиновники стали меньше, усвоив уроки Высочайшей Следственной Комиссии и начитавшись газет о том, как регулярно конфискуют имущество, как осуждают взяточников и казнокрадов на большие сроки, вплоть до пожизненной каторги.

Открыто брать стали меньше, но это не значит, что брать перестали совсем. Зато вся чиновничья братия тихо под одеялом бранит царя, который не дает им жить так, как они привыкли. Не нравится им, когда за ними присматривают, когда считают их доходы и расходы, когда нельзя открыто потратить полученные от взяток деньги.

– Паки и паки миром Господу помолимся.

– Господи, помилуй.

– Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твою благодатию.

– Господи, помилуй.

Граф Маниковский перекрестился и мысленно одернул себя. Что же он: Пасха Господня, храм, а он тут мысли черные да злые думает? В конце концов, император разве не помазанник Божий?

Это все соседство проклятого Кутепова сбило его с благочестивых мыслей в такую ночь!

К тому же если говорить положила руку на сердце, в империи за год правления Михаила Второго произошли просто разительные перемены. Фактически выиграна война. Завое-

ваны новые территории, Россия получила доступ к Проливам и к Средиземному морю. Правда, в связи с пандемией «американки» и карантинном, набравший было силу товарооборот резко упал, но пандемия когда-то да закончится. В России сейчас настоящий строительный бум, строятся заводы и фабрики, строится жилье в городах, строятся мосты, строятся дороги, в том числе и железные.

В ту же Ромею уже переселилось уже порядка восьмисот тысяч человек из России. В основном, конечно, ехали семьи русских солдат, которые после демобилизации решили остаться на новых землях, но немало ехало и добровольцев. Переселенческая программа работала и набирала обороты, уменьшая тем самым излишек населения в деревнях европейской части России. А как только осенью пройдет передел и как только к следующей весне выяснится, что земли опять на всех не хватает, то поток переселенцев резко усилится. Конечно, не все поедут в Ромею, многие просто подадутся в город в поисках работы и будут устраиваться на фабрики и заводы и в те же строительные отряды Министерства служения.

Много, очень много сделало и русское правительство. И, говоря без ложной скромности, лично граф Алексей Маниковский, дай Бог ему здоровья!

Граф усмехнулся и перекрестился.

Только вот пойдут все его усилия прахом, как только мужики осенью разберутся с итогами земельного передела и

пойдут 14 октября на выборы. Да и проголосуют так, что всем тошно станет. За тех леваков, кто пообещает землю переделить еще раз.

Но в этот раз точно по справедливости.

По сто десятин каждому.

Без обмана.

## **Империя Единства. Ромея. Константинополь. Дворец Единства. Порфира. 5 мая 1918 года**

Роды шли тяжело. Уже несколько часов Порфира Дворца Единства оглашалась криками и стонами августейшей роженицы. Доктора и я сам старались всячески облегчить ее страдания, но пока это все не слишком помогало.

– Тужьтесь, государыня! Тужьтесь!

Маша напрягала все свои силы, но пока все было тщетно.

Наконец Улезко-Строганова сообщила с показной бодростью:

– Государыня, уже видна голова ребенка. Тужьтесь!

Я сжал ладонь Маши и заговорил ей на ухо:

– Тужься, любимая. Звезда моя. Люблю тебя. Безумно люблю. Тужься. Я с тобой навсегда. Отдай мне боль свою. Тужься. Еще. Еще!

Императрица вся выгнулась от боли, но это принесло результат. Улезко-Строганова профессионально вынула на свет Божий ребенка, после чего протянула мне ножницы:

– Ну, что, государь, готовы перерезать пуповину?

...Я держал на руках наследника-цесаревича, будущего, как я надеюсь, Александра Четвертого Всероссийского, Александра Четвертого Ромейского, Александра Первого, императора державного имперского Единства России и Ромеи.

– Тужьтесь, государыня!

**Империя Единства. Россия. Московская губерния.  
Звездный городок. Храм Святой Мученицы Татианы.  
5 мая 1918 года**

– Благочестивейшаго великаго государя нашего Михаила Александровича, императора всея Единства России и Ромеи, да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Супругу его, благочестивейшую государыню, императрицу Марию Викторовну, да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Благовернаго наследника и великаго князя Павла Александровича, и весь царствующий дом, да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков...

Баронесса Мостовская криво усмехнулась про себя. Да, возможно, это последний раз, когда великий князь Павел Александрович поминается в молитвах в качестве наследника. Не сегодня-завтра в России и Единстве может появиться уже другой наследник престола. Если, конечно, Господь сподобит императрицу Марию родить мальчика.

И у императора Михаила Второго родится уже третий сын.

Ирония судьбы. А ведь она могла и сама быть сейчас императрицей Единства, и кто знает, сколько бы у них с Михаилом было сейчас детей.

Она нашла взглядом группу пацанов, известную всем как «Георгиевская банда». Как обычно, стоят группой, не разлей вода.

А среди них и ее сын. Точнее, их с императором сын. Впрочем, в те времена императором он еще не был.

Маркиз Михаил Васильевич Ле-Блосьер, барон Мостовский. Неофициальный сын императора Единства Михаила Александровича Романова.

О котором не знает никто, кроме самого Михаила Второго.

И императрицы Марии.

Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для самой Ольги Кирилловны Мостовской и для ее сына.

Рядом с ним стоит и вожак «Георгиевской банды» – официальный сын императора Георгий, светлейший князь Илионский, граф Брасов. Сын императора и покойной графини Брасовой, прав на трон не имеющий.

И, возможно, в эти самые минуты уже родился или рождается еще один сын Михаила Второго.

Или дочь.

**Империя Единства. Ромея. Константинополь. Дворец Единства. Порфира. 5 мая 1918 года**

– Я люблю тебя. Безумно люблю. Спасибо тебе за детей.

Маша счастливо сжимала в объятьях двойню наших близнецов. Цесаревича наследника Александра и царевну Викторию. Названных в честь дедов – императора Всероссийского Александра Третьего и императора новой Римской империи Виктора Эммануила.

Слезы счастья катились по ее щекам...

## Глава III

# Три наследника короны

**Империя Единства. Ромея. Константинополь. Дворец Единства. Малая каминная. 5 мая 1918 года. Рассвет**

С отвращением смотрю на бутылку. Вот же гадство.

Причем чем ближе был срок, тем большим было у меня настроение сразу после благополучных родов просто и банально выпить на радостях. Но даже это не получается у меня.

Увы, нет.

Даже особой радости не чувствую. Какое-то моральное опустошение.

И в нашу квартиру возвращаться вообще не хочется. Что мне там делать без Маши?

Как-то так сложилось, что более-менее откровенно (в известных пределах) я мог говорить лишь с женой, но Маша сейчас спит под надзором медиков, а я пытаюсь осмыслить произошедшее и самого себя в этом произошедшем.

Вроде и радость у меня, но, видимо, накрыл меня отходняк после долгой и большой нервотрепки, погружая в какую-то не то тоску, не то просто меланхолию.

Плеснув все же в бокал, встаю с кресла и распахиваю рамы. Холмы и горы противоположного берега уже четко очер-

чены предрассветной бледностью неба. Ни облачка. Тих Босфор. Даже силуэт какого-то судна словно замер на водной глади.

Затих древний Константинополь. Даже колокола церковей перестали звонить.

Час перед рассветом. Самый тоскливый час замершего в каком-то оцепенении времени. Ночь уже кончилась, а утро еще даже не началось.

Безвременье.

Штиль.

Даже волны не колышут водную гладь.

Отпиваю свой коньяк, мрачно глядя в предрассветную синь за окном.

Вот же ж беда суверенного самодержца – даже душевно выпить не с кем.

Нет, вот чего-чего, а поздравлений меня сегодня ждет великое множество, равно как и тостов со здравицами, а вот поговорить по душам мне не с кем. Так, чтобы по-настоящему. Как бывало в прежней жизни.

Нет у меня здесь друзей.

В будущем были, а вот теперь нет.

Не пить же мне с тайным руководителем моей тайной же службы Евстафием Елизаровым? Он и так знает слишком уж много. Да и с прочими.

А напиваться в одиночестве – это как бы моветон...

Да и не получается уж так напиться, чтоб что называется –

по-свински. В Александра Третьего, видимо, пошел. В отличие от Ники, слабо берет меня алкоголь, хоть сколько ни пей.

Впрочем, не в пьянке дело вообще, просто хочется иногда посидеть и с кем-то душевно поговорить. По-мужски. Не хватает мне этого.

Я часто с какой-то душевной ностальгией вспоминаю ту нашу пьянку с Сандро, тогда, в императорском поезде, когда мы переезжали в новую столицу. Славный борщ под водочку я тогда собственноручно приготовил по дороге в Москву, и славно мы посидели с ним, с великим князем Александром Михайловичем, который был одновременно мне и двоюродным дядей и зятем.

Могли ли мы стать друзьями, насколько это вообще возможно в моей ситуации? Не знаю. Да и проверить невозможно. Взрыв трибуны на Кровавую Пасху унес и Сандро, и мать – вдовствующую императрицу Марию Федоровну, и многих других. Сотни и сотни людей, среди которых были и члены императорской фамилии, и глава правительства Нечволодов, и многие министры, командующие, губернаторы, и множество просто хороших людей из числа собравшихся на Красной площади в тот ужасный праздничный день. И лишь чудо или, если угодно, случайность уберегли меня от гибели в тот момент.

Опасная у меня работа. Ужасная работа. Работа, да.

М-да.

Новый обжигающий глоток коньяка, в котором нет вкуса.

Сегодня будет очень тяжелый для меня Большой императорский выход. Пасхальный. И праздничный во всех отношениях.

Сотни и тысячи поздравлений.

Торжества в обеих моих империях.

Надо будет заслушать Свербеева.

И Суворина еще.

И объехать легионы.

Офицерские собрания.

Чарки за здоровье.

Как там Маша и новорожденные?

Мысли безо всякой системы перескакивали с одной темы на другую, не в силах задержаться ни на чем конкретном.

Из-за горы на противоположной стороне Босфора показалось солнце. Утренний бриз коснулся моих щек. Томление кончилось. Наступил новый день.

День перемен.

В дверь, своей фирменной дробью, тихо постучал Евстафий. Ну вот, начинается вам здрастье.

– Да!

Камердинер бесшумно возник на пороге.

– Государь! Там к вам ее императорское высочество Ольга Александровна.

Удивленно приподнимаю бровь. А впрочем, чему тут удивляться?

– Проси.

Сестра появилась с шумом и в прекрасном настроении.

– Христос воскрес, Мишкин! Не разбудила?

Поднимаюсь ей навстречу.

– Воистину воскрес, Оленька! Нет, я пока не спал.

Мы похристосовались, и я пригласил ее присесть в кресло напротив.

– Бокал вина?

– С удовольствием. Позволю себе немного в честь такого праздника!

– Кагор?

– Нет, лучше красного сухого.

Наливаю в бокал сестре вина и обновляю у себя коньяк.

– Поздравляю, Мишкин! Здоровье Маши и ваших прекрасных детей!

– Спасибо! Пусть они будут счастливы и пусть на их долю не выпадают потрясения!

Мы чокнулись бокалами. Ольга отпила и с явным удовольствием посмаковала.

– О! Неаполитанское «Lacryma Christi»! Божественно!

Киваю.

– Да, «Слезы Христа». Тесть прислал партию бутылок лучших годов. Прямо, так сказать, со склонов Везувия. А ты что в такую рань?

Она усмехнулась.

– Закончилась всенощная в Святой Софии, Николай поехал домой проверить, как там спит наш Тихон, а я вот ре-

шила заехать к тебе, поздравить лично и осведомиться о том, как идут дела. Как счастливая мама себя чувствует?

– Сейчас спит наша счастливая мама. Были тяжелые роды. Двойня, сама понимаешь. Тем более первенцы.

Будучи сама молодой мамой, сестра прекрасно все понимала.

– А ты, я вижу, хандришь?

Хмыкаю. Вот же ж проникательная у меня сестрица!

– А что, так заметно?

– Да. И это нормально. После сильного нервного напряжения такое случается. Беседа спасает лучше всего. Составлю тебе компанию.

– Спасибо.

Ольга отпила вина и бодро приступила к процессу «беседы», пытаясь вывести меня из хандры:

– Как решили назвать близнецов?

– В честь дедов – Александр и Виктория.

– Прекрасные имена! Я так понимаю, что если бы родились два мальчика, то были бы у нас Александр и Виктор? А если бы две девочки, то Александра и Виктория?

Качаю головой.

– Нет, не совсем. Если бы родились две девочки, то они получили бы имена Иоланта и Виктория. Имя Александр я бы все равно постарался приберечь для наследника, как дань уважения памяти отца и всего, что он сделал.

– Понимаю. Александр Четвертый должен занять свое ме-

сто в славной истории России.

– Да.

– А если бы продолжали рождаться девочки?

Пожимаю плечами.

– Я бы провел изменения в порядок престолонаследия, установив, что корону наследует старший из детей императора, имеющих право на престол.

Помолчав, все же решаю добавить:

– Только, весьма вероятно, это изменение я внес бы сразу, если бы родились две девочки. Немыслимо на многие годы оставлять подвешенной ситуацию с престолонаследием. Я сам долгое время был наследником, пока у Ники рождались девочка за девочкой. Это было ужасное состояние и ужасное ощущение. И для самого Николая, и для меня, и для всей государственной машины. Элиты, чиновники, все посматривали в мою сторону, стараясь на всякий случай навести мосты. Лесть, намеки, подношения. Попытки связать меня какими-то обязательствами. Постоянные интриги. То же самое происходило сейчас и вокруг Павла. Я не мог этого допустить дальше. Хватит того, что Павел был целый год моим официальным наследником. Впрочем, что тут говорить, другие варианты были еще хуже, ведь тогда я сам с трудом его уговорил не отказываться от этого права.

– Да, я помню эту историю. Отказ Павла повлек бы за собой весьма серьезные осложнения с престолонаследием, а точнее, с результатом того, кто мог бы взойти на трон и,

главное, что из этого всего бы вышло. Хотя как мне кажется, после гибели сына Дмитрия в Кровавую Пасху Павел стал всячески не желать взойти на престол и отказался бы от короны в случае чего.

– Возможно. Возможно, он сейчас облегченно крестится и ставит свечку за здоровье Александра. А может, и нет. Время меняет людей. И власть меняет. Особенно власть.

– О да, это я могу сказать по себе. И особенно по тебе. Ты очень сильно изменился за прошедший год. Порой я даже не узнаю в тебе нынешнем того Мишкина, которого знала все эти годы.

Разговор в который раз приблизился к опасной теме. Впрочем, Ольга вновь не стала ее развивать, лишь обозначила свое мнение, не пытаясь высказывать какие-то выводы. А какие выводы она могла сделать? Разве она могла заподозрить во мне пришельца из будущего в теле ее родного брата? Хотя, разумеется, какие-то несоответствия должны бросаться ей в глаза.

Киваю:

– Вот я и говорю, что власть меняет людей. Особенно близость к трону, когда до него остается один шаг. У тебя, например, огромная власть в Ромее, и ты сестра императора. Но наследовать трон ты можешь в очень маловероятном случае, при котором в очереди впереди тебя не станет всех-всех наших родственников мужского пола, имеющих право наследовать престол. Плюс еще и нашей сестры Ксении. Так ведь?

– Так. Поэтому я сплю спокойно на этот счет.

– Именно! А Павел реально год был в одном шаге от короны. Сейчас он уже в двух шагах. И я постараюсь, чтобы в самое ближайшее время он оказался уже в трех шагах.

Сестра подняла удивленный взгляд.

– Это каким же образом? Вряд ли Маша сможет порадовать тебя мальчиком раньше, чем через год-полтора.

Киваю.

– Да, акушеры настаивают на одной беременности в два года.

– Ну вот.

– Нет, я не об этом говорю, а о том, что я хочу все-таки внести изменения в порядок престолонаследия в части наследования не старшим сыном, а старшим из детей, имеющих права на трон. Тогда Виктория станет второй в очереди на престол после Александра.

Ольга задумчиво смаковала вино. Наконец она заметила:

– Это будет непросто сделать. По крайней мере в части наследования российской короны. В Ромее, конечно, ты можешь установить что угодно, ведь Закон о престолонаследии пишешь ты сам. А вот даже в части короны Единства уже могут быть разночтения. Здесь нет однозначного решения. Тем более в России в октябре пройдут выборы в Госдуму, а ты можешь себе представить состав грядущей Думы.

– Именно поэтому я и должен это провести до октября, пока в моих руках вся полнота власти в России.

– А стоит ли колотить воду? Наследник у тебя теперь есть.

– Посмотрим по ситуации. Но я постараюсь. Мне надо подстраховаться, сама понимаешь. Дай Бог Александру богатырского здоровья и ста лет жизни, но чем длиннее будет цепочка моих собственных детей, могущих наследовать трон, тем дальше от короны будут Павел и прочие. Я не могу допустить самой возможности передачи им власти.

Местоблюстительница Ромеи покачала головой.

– Я бы на твоём месте не Павла опасался больше всего. Он год был твоим наследником и ничего не сделал для того, чтобы стать императором. Хотя некоторые его подталкивали к этому. Павел – фигура неоднозначная и для многих неудобная. – Ольга сделала паузу, а потом спросила: – Ты уже в курсе, что Аликс родила мальчика?

Я нахмурился. Да, вот только этого мне и не хватало для полного счастья. Вслух же интересуюсь:

– И как она? Как здоровье мальчика?

– Есть ли у него гемофилия – пока неизвестно, если ты об этом. Ещё слишком рано говорить. Что касается Аликс, то говорят, что она весьма плоха. Доктора не дают прогнозов, но весьма вероятно, что она так и останется прикованной к инвалидному креслу. Если не случится чего похуже. Но зная характер бесноватой Аликс, я скорее поставлю на то, что она выкарабкается назло нам всем.

М-да, ситуация становится все более забористой.

– Ну, дай Бог ей выздоровления, что тут еще можно ска-

зять. Тем более на Пасху. На все воля Божья.

– На Бога надейся, но сам не плошай. Что ты намерен делать, если случится чудо и мальчик окажется здоровым? А Аликс будет достаточно в силах, чтобы вновь продвигать идею возврата трона «законному императору Алексею Второму»? Ведь у этой ветви также сегодня появился законный наследник.

Помолчав несколько секунд, пожимаю плечами:

– Принципиально ситуация никак не изменилась – я на троне и у меня есть более законный наследник.

Сестра с некоторым сарказмом заметила:

– Это весьма спорный вопрос, между нами говоря. Кто более законный – это смотря с какой колокольни смотреть. Ты же понимаешь, что у немалой части общества, особенно среди поборников старого уклада, разговоры о том, что ты узурпировал власть, силой заставив Николая отречься за себя и за сына, встречают очень серьезное понимание и поддержку. Особенно у тех, кого ты успел всячески обидеть и ущемить за год, а таких очень много, и большинство из них отнюдь не коров пасут. Они мечтают о передаче трона «законному императору» и о возврате «к старым добрым временам», что бы это все ни значило. И сейчас их позиции значительно усилятся, ведь ветвь Николая пополнилась еще одним наследником, причем нельзя исключать, что здоровым. А это очень важный аргумент.

Да, тут сложно возразить. Проблема.

– Я это прекрасно понимаю. Отречение Николая действительно никак не описано российскими законами. Равно как нигде не оговорена возможность отречения за сына. Моя власть в России незыблема, пока я популярен в армии и в народе. Но стоит популярности упасть, например, из-за результатов земельного передела, и разговоры о «законном императоре Алексее Втором» тут же усилятся. Только смею полагать, что сторонники старого уклада сильно ошибаются, надеясь, что разгромные для меня итоги выборов в Госдуму помогут им. Возможно, по итогам выборов действительно наберут силу всякие леваки, но вот только левакам этим, ну, или, по крайней мере, многим из них, император вовсе не нужен. Никакой не нужен – ни я, ни Алексей. И тут уже будет стоять вопрос не о персоналиях, а о сохранении института монархии как такового.

Ольга покачала головой:

– Не скажи, брат, не скажи. Больной и слабый Алексей устроит очень многих среди сильных мира сего. И не только в России, как ты понимаешь. В любом случае рождение мальчика у Аликс серьезно ослабляет твои позиции. Что ты намерен делать?

– А что ты предлагаешь? Пока я силен, мне опасаться нечего. Вдруг ослабну, так могу власть потерять так же, как потерял Ники. Хоть с мальчиком Николая, хоть без него. Как его назвали, кстати, не знаешь? А то «мальчик» да «мальчик», как будто он нам не родной. Племянник все-таки.

Великая княгиня язвительно ответила:

– Твоего «родного мальчика» назвали Николай. Теперь лозунг: «За Алексея и Николая» обретает двойной смысл, не так ли?

Я крякнул.

– Да уж. Аликс действительно настроена серьезно.

– Именно об этом я тебе битый час и говорю! Что ты намерен делать?

– Ничего пока. Они лишь инструменты, знамена, если угодно. Главное отслеживать тех, кто эти знамена поднимает. А это уже дело Имперской службы безопасности и Отдельного корпуса жандармов.

– То есть ты намерен сидеть и ждать?

Развожу руками.

– А что я могу сделать? Надеть на них железные маски и заточить в Петропавловской крепости? Так поздно, о них и так уже все знают. Более того, если с ними что-то случится, то это тяжкое проклятие ляжет на все мое правление, как это случилось с Борисом Годуновым, вне зависимости от того, отдавал ли он на самом деле приказ убить малолетнего царевича Дмитрия или нет.

Но Ольга была непреклонна.

– Я считаю, что бесноватую Аликс нужно изолировать. Она плохо влияет на Николая и воспитывает Алексея в духе его прав на престол. На твой престол. А сейчас еще начнет воспитывать в том же духе и Николая-младшего. Это опас-

ная женщина. Роковая женщина для России! И я просто уверена, что она выкарабкается и мы все пожалеем об этом дне. И о том дне, когда ты отказался принимать меры.

Хмыкаю.

– Ну и как я ее изолирую?

Местоблюстительница Ромеи гнула свою линию.

– Пусть врачи признают ее сумасшедшей. Причем буйной. Это несложно устроить. Пусть сидит на каком-нибудь острове.

Качаю головой.

– Вот мне только не хватало своего узника замка Иф. Мне и так хватает головной боли с разговорами о близящемся конце света. Тем более что эти мистические бредни про нас с Машей находят среди недовольных живейший отклик. Только за пять месяцев по «Закону о преступлениях против священной особы государя императора и членов императорского дома» арестовано, если мне не изменяет память, триста шестнадцать человек только в России.

Ольга согласно кивнула.

– И в Ромее сорок шесть человек.

– Вот именно. И это только те, кто имел глупость явно попасться и много болтать в присутствии свидетелей или же был свидетелем такой болтовни, не остановил сам болтуна и не донес об этом. Нет, понятно, стройкам народного хозяйства нужны бесплатные рабочие руки, а каторга в четверть века для особо ярых болтунов станет весьма поучительным

уроком для остальных любителей посплетничать на эту тему, но общая ситуация очень опасная, тем более в преддверии выборов и реального земельного передела. У нас очень суеверный народ, особенно крестьяне. Осенью ситуация ухудшится, а от любви до ненависти – один шаг, сама знаешь. Тем более пандемия «американки» усилит разговоры о близящемся конце света и о нашей с Машей роли в этом деле. А если толпе подбросить еще пороху разговорами о новых мучениках и «истинном царе», то достаточно будет просто чиркнуть спичкой. И кому чиркнуть, обязательно найдется!

– Зачем ты вообще назначил выборы?

– Пусть уж лучше осеннее недовольство выплеснется через выборы, чем через революцию. Пар из перегретого котла надо стравливать, а не ждать взрыва. К тому же я не могу исключать, что выборы придется отложить, если к осени пандемия «американки» захлестнет нас со всей силой. И раз уж мы заговорили о конце света и о престолонаследии, то я хочу просить тебя дать свое согласие войти в Регентский совет, если со мной что-нибудь случится и Маша станет правителем государства при малолетнем Александре Четвертом. Твой ум и твой практицизм весьма помогут Маше. И всей России в эти непростые времена.

Ольга помолчала, обдумывая услышанное, а затем хмуро проговорила:

– Хорошо, я даю свое согласие. Но любом случае, Мишкин, говорю это тебе со всей серьезностью: не вздумай по-

гибнуть или как-то умереть хотя бы в ближайшие лет десять. Иначе я тебя из могилы достану, ты меня знаешь.

Тоже серьезно отвечаю:

– Знаю.

– Империи, точнее империям, нужно минимум десять, а лучше двадцать-тридцать лет стабильного уверенного развития, модернизации и всеобъемлющих реформ, и ты просто обязан выполнить свою миссию. Уверена, что Господь не случайно возложил корону на твою голову в один из самых острых моментов нашей истории.

Что тут возразишь? Особенно если знать то, как оно все должно было пойти, не появись я тут 27 февраля (11 марта) 1917 года.

– Спасибо, сестрёнка. И хочу тебя спросить на всякий случай. Не хочешь ли ты, если что, принять участие в государственном перевороте? Очень надо.

Та удивленно посмотрела мне в глаза.

– Что ты имеешь в виду?

Твердо смотрю ей в глаза.

– Я – правитель. И я обязан предусмотреть все. Дай Бог маленькому Александру здоровья, но если, не дай Боже, с ним что-то случится, то в случае моей гибели корона перейдет Павлу. Или Алексею, если так карта ляжет. Ты меня понимаешь?

Она помолчала.

– Поэтому ты хочешь внести изменения в порядок пре-

столонаследия, установив норму про старшего из детей императора, имеющих право на престол?

Киваю.

– Да. Но я могу не успеть. И в этом случае Маша станет вдовствующей императрицей, сугубо церемониальной фигурой, потеряет корону и реальную власть. Переход короны Павлу или Алексею я намерен не допустить всеми средствами, которые есть в моем распоряжении.

– Как ты это планируешь осуществить?

– Если со мной что-то случится при указанном прискорбном раскладе, а изменения еще не будут официально проведены, то будет оглашено мое завещание и мои изменения в «Закон о порядке престолонаследия». Будет введен в действие особый протокол, и основные структуры – армия, МВД, спецслужбы и ключевые министерства, вроде Мининформа и МИДа, поддержат Машу. Как работает моя система, ты знаешь не понаслышке.

– Как работает система, я знаю. А не боишься, что таким образом начнется гражданская война?

– Боюсь.

– Уверена, что найдется немало тех, кто поставит на Павла или Алексея, и обвинит Машу в узурпации власти, и заявит, что законным императором является Павел Второй или тот же Алексей Второй.

Смотрю ей в глаза. Киваю.

– Да, немалый риск действительно существует. Но я наде-

уюсь на то, что победит организованность, напор и сыграет свою роль популярность Маши. Передача власти, узурпация или государственный переворот – называть это можно как угодно – осуществится в течение часа-двух, еще до официального объявления о моей гибели. В Москве, Константинополе и Петрограде достаточно полков, в которых я уверен, включая Георгиевский и полки Дикой дивизии. Будут взяты под охрану и под фактический контроль ключевые объекты, включая телеграфную связь и радио. Мининформ распространит мое завещание и новости об изменении в «Зако-не о престолонаследии». Маша, как я надеюсь, все еще будет достаточно популярна в народе, чтобы сообщения о мас-совых митингах в поддержку ее императорского величества Виктории Первой и регента государства императрицы Марии Викторовны выглядели естественно. Вот ты сама, полу-чив такую бумагу о моем завещании, кого бы поддержала – Павла, Алексея или Машу?

Ольга отпила вино и заметила:

– Знаешь, а я бы ее поддержала. Нет, не скажу, уж прости, что она мне во всем нравится, да и молода она слишком и неопытна для регента государства или настоящей самодержавной императрицы, но по сравнению с Павлом, Алексеем и прочей нашей малахольной родней я лучше поставлю на Машу. Империи срочно нужно обновление, и даже твоего обновления недостаточно. А уж ожидать обновление от Павла и прочих наших родственников вообще не приходится. Но

повторюсь, Машу я бы поддержала только в самом крайнем случае, когда никакого другого варианта бы не оставалось. Пока я ставлю на тебя, уж прости за цинизм.

Киваю.

– Цинизм – наше все. А еще и упрямство.

– Ну, это наша фамильная черта, не так ли?

– Увы. Или к счастью? Как посмотреть. Конечно, рождение Александра делает этот план сугубо теоретическим. Что, откровенно говоря, меня несказанно радует.

– Меня тоже, уж поверь. Но, уж прости за прямоту, ты хочешь сказать, что просто ждал рождения наследника и не предпринимал меры, чтобы в случае твоей гибели трон не перешел к Павлу, а остался у Маши? Не верю. Год назад бы поверила, но сейчас не верю.

Пытаюсь уклониться от прямого ответа.

– К счастью, мы пережили этот опасный период, и теперь если, не дай Бог, со мной что-то случится, то Маша на законных основаниях станет правителем государства и возглавит Регентский совет при малолетнем императоре Александре Четвертом. В состав Регентского совета, к счастью, вступишь и ты, так что в этом вопросе я на тебя надеюсь.

– Спасибо, Мишкин. Но ты увливаешь от ответа на прямой вопрос. Если бы, не дай Бог, с тобой что случилось до сегодняшней радостной ночи, то трон перешел бы к Павлу?

В ответ могу лишь хмыкнуть:

– Дорогая сестрица, ты всегда была умнее нас всех. Разу-

меется, что уж тут скрывать, я предусматривал разные варианты. Но Павла и Алексея среди этих вариантов не было.

– То есть описанный тобой план государственного переворота уже существует, и он был готов быть приведен в действие в любой момент?

Киваю.

– Да.

Ее глаза сузились.

– Меня возмущает другое: почему я не была поставлена в известность об этом плане? Почему ты мне не рассказал?

– На самом деле, я тебе рассказал.

– Сегодня.

– Сегодня. Я не хотел тебя вмешивать в эту достаточно спорную, мягко говоря, историю, поскольку с точки зрения российских законов это действительно можно квалифицировать как участие в подготовке к государственному перевороту и насильственному свержению законной власти в лице императора Павла Второго. Для твоей же деятельности в Ромее это не имело существенного значения, поскольку в Ромее Маша законно была бы объявлена императрицей. Впрочем, ромейские законы ты и сама знаешь. В план посвящен очень узкий круг лиц, без которых его осуществление станет решительно невозможным.

Она качает головой. Мои увертки не проходят.

– Тогда почему ты мне вообще рассказал? С рождением Александра этот план почти теряет свою актуальность!

Примириительно поднимаю руки.

– Не обижайся, сестрёнка. Маша тоже об этом плане узнала не сразу. И тоже сильно злилась на меня, что я за ее спиной составляю какие-то планы с ее участием и фактически делаю ее вождем государственного переворота. Если бы со мной что-то случилось, то, где бы ты ни находилась, в течение часа тебе бы вручили конверт с личным письмом от меня, планом и заверенной копией моего завещания.

Местоблюстительница Ромеи хмуро смотрела мне в глаза. Наконец, выдала свой вердикт:

– Не знаю, как тебя лучше обозвать – лицемерный циник или циничный лицемер?

Поднимаю бокал:

– Христос воскресе, сестрёнка!

Ольга ответным жестом чокнулась бокалом со мной.

– Воистину воскресе! Здоровье новорожденных и молодой мамы!

# Часть вторая

## Расставляя фигуры

### Глава IV

#### Схватка за новый мир начинается

**Империя Единства. Ромея. Константинополь. Дворец Единства. Кабинет его величества. 5 мая 1918 года**

– Насколько это проверенные сведения?

Начальник ромейского Генштаба генерал Свечин утвердительно кивнул.

– Сведения проверены по нескольким каналам, государь.

Наступление назначено на утро десятого мая.

– Что султан?

– Судя по сообщениям наших военных советников в Анкаре, султан Мехмед Пятый еще не осведомлен об этом.

Что ж, удивляться тут нечему. Собственно, все к тому шло, и во многом мы сами приложили к этому руку, рассчитывая на то, что остатки Османской империи сцепятся между собой в затяжной братоубийственной войне, что естественным образом отвлечет их от идей реванша и к тому же сократит их численность до значений, которые их скудная земля в состоянии прокормить.

Капитулировав в ходе Первой мировой войны, султан Мехмед V признал независимость Ромеи и согласился на обширные территориальные уступки в пользу России, Рима, Франции и Великобритании, фактически оставшись признанным монархом на куцем обрубке прежней территории, потеряв к тому же выход к какому-либо морю, окруженный со всех сторон Ромеей, Россией, Грецией и Римской империей и имея в качестве злейшего врага генерала Кемаля, который в Конье явочным порядком создал свое, не признанное никем, псевдогосударство, именуемое нами как «мятежная провинция Карамания».

Собственно, особых опасений на счет Кемаля и этой самой Карамании мы не испытывали, поскольку для серьезной войны у них просто не было достаточно оружия и боеприпасов, да и с продовольствием было все довольно сложно. Точнее, все шло там к самому настоящему голоду, что вселяло в султана оптимизм относительно того, что вскоре Карамания приползет к нему на коленях и выдаст голову Кемаля. Мы знали, что так не случится, но нас тоже все устраивало.

И пять месяцев все шло как и было нами запланировано: случались стычки и локальные столкновения между официально признанной Османской империей и ее мятежными территориями в Карамании, султан всякий раз грозился разбить на голову «предателя и вероотступника Кемаля», но дальше угроз, напыщенных слов и вялой междоусобицы дело не шло.

Голодные и лихие головы из Карамании время от времени совершали набеги на территории греческой Ионии, реже на римскую Киликию, и те, и другие в ответ периодически устраивали карательные экспедиции, стреляя направо и налево, не особенно заботясь о выявлении настоящих участников набегов.

Султан, считавший Караманию своей (и мы с этим официально соглашались), выражал Греции и Риму официальные протесты по поводу вторжения на его суверенную территорию, из Рима и Афин на его протесты летели их протесты и требования навести порядок в мятежной провинции и в этой вялой пикировке проходил месяц за месяцем.

С территории самой Османии, кстати, периодически случались набеги и на Ромею, так что нашей армии и войскам новых казачьих областей находилась работа по отлову и ликвидации вооруженных бандформирований. Шло это дело также ни шатко ни валко, поскольку особо усердствовать мы не старались, а оставшееся в Ромее османское население нередко помогало своим.

Впрочем, нередко были и случаи, когда осевшие в Ромее подданные Мехмеда V доносили ромейским властям на соотечественников, рассчитывая получить за это неплохую премию и вождеденный документ – разрешение на проживание в Ромее. Тех же, кто укрывал бандитов, карали в зависимости от степени вины, как правило, просто высылали в Османию, под крыло к султану. Пусть сам с ними разбира-

ется и кормит их.

Фактически популярность султана в Османской империи была довольно низкой, и лишь статус халифа да обширные вливания со стороны РOMEи позволяли ему удерживать власть. В османской армии были наши советники, которые только подтверждали, что уровень боеготовности войск осман крайне низок, моральный дух после капитуляции и потери огромных территорий еще ниже и что лишь щедрые пайки офицерам и солдатам османских войск да отсутствие достаточного количества оружия и патронов в армии Кемалья не позволяли последнему провести сколь-нибудь успешные операции против войск султана.

И тут вдруг такое – Кемаль готовится к наступлению.

– Ваша оценка ситуации, генерал.

Свечин оправил китель и доложил:

– Государь! Сведения разведки показывают, что большие отряды кемалистов получают винтовки и патроны. В том числе и многие из тех, кто до этого был вооружен в основном древними ружьями, а то и просто мотыгами. Пока сложно оценить масштаб, но оружия явно значительно больше, чем это прогнозировалось нами по более ранним оценкам.

Хмуρο смотрю на генерала.

– Откуда взялось это оружие? Не по воздуху же оно к ним прилетело в таком количестве!

– Массовых пролетов аэропланов и дирижаблей ни через посты наблюдения РOMEи, ни через посты римской Киликии

и Каппадокии не зафиксировано. Единственный зафиксированный случай – 12 марта сего года римский патрульный истребитель перехватил в своем воздушном пространстве дирижабль без опознавательных знаков и вынудил его уйти в сторону моря.

– Удалось установить, чей был дирижабль?

– Никак нет, ваше величество. У римского истребителя заканчивалось горючее, и он был вынужден вернуться на свой аэродром.

– А какая гарантия, что дирижабль не вернулся?

– Никакой, государь. Но сообщений более не поступало. В любом случае перевезти одним рейсом столько оружия и патронов невозможно. Нельзя, впрочем, утверждать, что это невозможно в принципе, ведь рейс мог быть и не один, а побережье римлянами охраняется довольно слабо. Не говоря уж о греческой Ионии. Кроме того, некоторое количество оружия могло попасть и точно попадало в Караманию с караванами контрабандистов, которые переходят через горные перевалы и всякие козьи тропы. Насколько частыми были эти караваны, мы, естественно, не знаем. Также наша разведка неоднократно фиксировала случаи продажи партий оружия и боеприпасов со складов османской армии. Учитывая коррупцию, национальный менталитет, а также скрытую симпатию к кемалистам со стороны ряда османских офицеров и генералов, нельзя исключать и поступления части оружия непосредственно с территории султанской Османии. В

любом случае если верить сообщениям разведки, то количество оружия у кемалистов значительно превосходит наши оценки.

Да, где-то мы прошлепали, и если это правда, то будут проблемы. У султана и у нас заодно.

– Откуда мог лететь дирижабль?

– Вероятнее всего, с британского Кипра.

– Да, эта мысль приходит в голову первой. Что ж, благодарю вас, Александр Андреевич. Мне пора на Большой императорской выход. После него, в четырнадцать ноль-ноль, я назначаю совещание в расширенном составе.

**Империя Единства. Ромея. Константинополь. Дворец Единства. Комплекс «Порфира». 5 мая 1918 года**

– Ты как, малыш?

Маша пожаловалась:

– Молока мало. Клавдия Петровна успокаивает, что вначале так бывает, но я все равно волнуюсь. Как я буду кормить двоих?

Успокаивающе улыбаюсь.

– Не волнуйся, солнышко. Мы же уже выбрали кормилиц на всякий случай. Уж с голоду наши дети точно не умрут.

Молодая мама вздыхает, глядя на то, как сын жадно сосет ее грудь. Затем вдруг спрашивает:

– Как там Аликс? Родила уже?

– Да. Мальчика. Назвали Николаем.

Маша качает головой.

– Да уж, плохо дело.

Бодро уверяю:

– Не волнуйся, мы со всем разберемся, вот увидишь. Все, солнце, мне пора бежать на Большой императорский выход. Позднее я заскочу к тебе, а потом у нас в два часа дня совещание по ситуации в Османии.

Императрица поднимает голову:

– Что-то серьезное?

А что я могу тут сказать, если сам ничего толком еще не знаю? Да и расстраивать не хочется.

– Надеюсь, что нет. Обычные стычки с Караманией.

## **Империя Единства. Ромея. Константинополь. Собор Святой Софии. 5 мая 1918 года**

То, что это не «обычные стычки с Караманией», мне было совершенно ясно. И что, невзирая на все наши усилия, заткнуть все дыры в границах и обрубить все каналы поставок оружия Кемалю нам не удалось. Впрочем, это было ясно и так. Вопрос лишь в масштабах этих поставок.

Да, судя по всему, кемалисты где-то раздобыли достаточно оружия для крупной вылазки, достаточно крупной, чтобы с пафосом именовать ее громким словом «наступление». Насколько достаточно у них оружия и достаточно ли к этому оружию патронов – ответ на этот вопрос даст сама жизнь и первые сообщения о сколь-нибудь серьезных боях.

Что ж, посмотрим.

Киваю, приветствую собравшихся на Большой императорский выход. Тысячи людей в масках, церковный перезвон, здравицы и крики поздравления.

Улыбаюсь. Машу рукой. Прикладываю ладонь к козырьку, приветствуя военных.

Голова же занята совсем другим.

Насколько важной является информация о том дирижабле? Это может быть случайность, мне о ней даже не доложили, а может быть и то, что наши итальянско-римские союзники мышей совсем не ловят. Да и те же греки. Там вообще может быть в небе проходной двор и оружие шло потоком.

Надо непременно усилить нашу авиационную группировку в Ликий и усилить воздушное патрулирование района, а то мы действительно все проспим. Нам тут только усилившегося Кемалю не хватает.

Но неужели это и в самом деле британцы организовали канал поставок с Кипра? Британский лев вздумал вновь начать играть в активную политику в восточном Средиземноморье? Что ж, этого следовало ожидать, хотя, конечно, после гибели короля Георга V и сэра Уинстона Черчилля британцам есть чем заниматься и ближе к Лондону, чем Ближний Восток. Мало им забот в Ирландии, где идет настоящая война с ирландской республиканской армией, которым и немцы, и американцы щедро поставляют вооружение, вплоть до тяжелого? Неофициально, разумеется. Или мало им брожений

в Индии?

На несколько мгновений я отвлекся от своих дум, при-  
ветствуя четкий строй преторианцев. Все сплошь ветераны  
русской армии, все в орденах, герои из героев, моя надеж-  
да и опора. Сегодня мне предстоит объехать пять расквар-  
тированных в Константинополе легионов и выпить по чар-  
ке в офицерских собраниях 1-го Императорского преториан-  
ского, 2-го императрицы Марии Константинопольского, 3-го  
Босфорского багрянородного наследника цесаревича Алек-  
сандра, 4-го царьградского багрянородной царевны Викто-  
рии и 5-го Новоилионского светлейшего князя Георгия леги-  
онов. Разумеется, не все их когорты, манипулы и прочие цен-  
турии находились в столице, они были разбросаны по всей  
империи, меняясь в порядке ротации, но и в Константино-  
поле войск было достаточно.

Легионы по численности больше соответствовали брига-  
де, когорты – полку, а манипулы и центурии равнялись ба-  
тальону и роте соответственно. Баловство, конечно, но я ре-  
шил пока соблюдать антураж.

Впрочем, не считая парадной формы легионов, ромейская  
армия от русской ничем не отличалась, кроме шевронов на  
той же самой российской военной форме, и укомплектована  
была русскими солдатами. Местных христиан мы тоже на-  
бирали в армию, но не в столицу и пока не так массово. В  
основном в казачьи войска. Туда же охотно записывались и  
многие мусульмане-османы, принося мне присягу верности

и превращаясь в бравых ромейских казаков. Разумеется, под контролем и под командованием настоящих казаков, передислоцировавшихся сюда из России.

Да, ромейские легионы, в русской форме из русских же солдат состоящие, маршируют по улицам Константинополя – кто мог мечтать о таком год назад?

Впрочем, я отвлекся.

Вообще, здешний мир 1918 года отличался от того мира, который здесь помню только я, очень многим.

Во-первых, Первая мировая война закончилась без формальных победителей и проигравших. В Стокгольме было провозглашено всеобщее «примирение и прекращение братоубийственной войны во имя человеколюбия», с общим рефреном: «Никогда больше!» Соответственно, здесь не было никаких контрибуций и прочих репараций. Во всяком случае, не было официально.

Зато был принят «план графа Свербеева», в результате чего был создан Международный банк восстановления и развития, учредителями которого выступили Единство (Россия и Ромея), США, Германия, Франция, Австро-Венгрия и Римская империя, которые должны внести оговоренные суммы в фонд Банка. Кроме оговоренных учредительных взносов, Германия и Австро-Венгрия обязались внести серьезные «добровольные пожертвования» в фонд МБВР, которые фактически и были завуалированными репарациями. Впрочем, огромную сумму добровольно внесли и американ-

цы, но у тех был свой резон.

А фишка была в том, что подряды на восстановительные работы получают фирмы тех стран, на чьи деньги и ведется восстановление, так что перечисляя средства Вашингтон столбил для своего бизнеса весьма внушительный куш в Старом Свете, что, по мнению Белого дома и воротил с Уолл-стрит, даст американским компаниям возможность освоить новые рынки, на которые их прежде пускали очень неохотно. Кроме того, это виделось средством избежать послевоенной рецессии и поднять деловую активность в самих США, поскольку значительная часть денег, освоенных американскими фирмами в Европе, по итогу, возвращались обратно в Америку. Впрочем, это касалось всех «доноров», включая Россию и Рومهю.

Был определен перечень стран, которые получают выплаты на восстановление всего, что было разрушено в результате войны, в который вошли Россия, РOMEЯ, Франция, Бельгия, Польша, Румыния, Болгария, Сербия, Греция, Рим, Черногория, Германия и Австро-Венгрия. Причем последние получали минимум средств на восстановление, поскольку на территории Германии война практически не велась, а Австро-Венгрия утратила как раз те куски, где шли боевые действия. Так что германские и австро-венгерские фирмы будут избегать рецессии, участвуя в восстановлении государств Антанты. Конечно, часть средств Вены и Берлина точно так же вернутся обратно, но по факту они своей работой усили-

вали бывших противников. Впрочем, по сравнению с тем, что ждало Германию после Версаля в моей истории, тут они пропетляют очень удачно.

Великобритания (со своими доминионами), Испания, Япония, Португалия и прочие члены Антанты участвовать в создании МВБР и в его деятельности наотрез отказалась, формально мотивируя это решение тем, что на их территории боевые действия не велись, а свои деньги они лучше потратят на восстановление собственных экономик.

Во-вторых, в Европе не рухнули империи, наоборот, их стало больше. Как уже было сказано, Россия не только не полетела в бездну, но и уверенно вошла в клуб великих держав. Сохранились монархии в Германии и Австро-Венгрии. Франция, после революционных потрясений, поражений на фронтах и скоротечной гражданской войны, вновь реставрировала свою монархию, вернув на трон Бурбонов, да так, что девятилетний Генрих был провозглашен императором Франции. В Польше ждут короля, да и в Португалии все идет к восстановлению монархии. Так что республики в Европе сейчас непопулярны.

По итогам «уточнения границ» и плебисцитов, в состав Римской империи вернулись Савойя и Ницца, Корсика и Монако получили статус королевств, а Франция получила от Германии небольшой, чисто символический кусок Эльзаса и Лотарингии, уступив ей территории в Африке. Германия «уточнила» часть территории Австрии, но частично «уточ-

нила» в пользу Польши часть своей территории, а порт Мемель с округой получил статус вольного города.

Так что между Россией и Германией больше нет общей границы.

Сохранилась Австро-Венгрия, хоть и в несколько урезанном виде, с перспективами преобразования в Австро-Венгро-Славию, хотя там все не совсем понятно и венгры все еще упираются. Впрочем, великие соседи в лице Москвы, Берлина, Лондона, Орлеана и Рима жестко настаивают на сохранении лоскутного единства в этом державном недоразумении. Правда, выхода к морю АВИ фактически лишена, поскольку для нее оставлен лишь узкий коридор в виде «вольного города Бакара», так что военного флота у Австро-Венгрии больше нет. Собственно, он и так перестал существовать после битвы в Адриатике, захвата русской армией Катарро и расстрела Сплита объединенным флотом Единства и Рима.

Еще из забавного – Ленин и Сталин в Мексике и там победила революция. И, как положено, полным ходом идет гражданская война, да еще и с американской ограниченной интервенцией. В общем, весело у них там. Плюс еще и «американка» лютует.

Такая вот у меня катавасия.

Ничего не забыл? Уверен, что забыл целый список дел и проблем!!!

Так что – с праздником!

## **Империя Единства. Россия. Москва. Арбат. 5 мая 1918 года**

Улицы бурлили. Праздник Пасхи, который внезапно дополнился еще и праздником рождения наследника престола Александра и царицы Виктории, раскатился по всей Первопрестольной.

Москва веселилась, пела и танцевала. Играли оркестры, играли гармошки, пелись песни хорами и просто гуляющими компаниями. Гуляй, Москва! Тем более что завтрашний понедельник высочайше объявлен выходным днем во всех благословенных империях.

На площадях и у каждой церкви всем желающим за счет государя императора выдавались пирожки, расстегайчики и «чарочки за здоровье» с водкой, похожие больше на стеклянные граненые стопки с привинчивающейся жестяной крышкой, и каждая такая чарочка была украшена рифлением с двуглавым орлом и надписью: «Наследник цесаревич Александр Михайлович» с одной стороны и Звездой Богородицы, с начертанием: «Многая лета», с другой.

Инженер-капитан Маршин, разумеется, не стал стоять ни в каких очередях за дармовой выпивкой, хотя и отметил про себя очередной успех Министерства информации – выпустить в качестве памятного напоминания именно стопку с водкой было грандиозной по успешности идеей. Можно было не сомневаться, что все эти «памятные» стаканы найдут

свое применение в миллионах хозяйств по всей России после того, как будут выпиты по своему прямому назначению. Равно как здоровье цесаревича Александра будет еще много раз поводом опрокинуть чарку-другую из этих стопок. И не только из этих.

Многая лета наследнику цесаревичу Александру Михайловичу!

– Ну, что, изменилась Первопрестольная?!

Елена лукаво смотрела на своего жениха. Тот прокричал, стараясь перекричать очередной оркестр:

– О, не то слово, моя дорогая Лена! Не то слово! За год она изменилась неузнаваемо! Просто неузнаваемо!!! Да что там Москва – вся Россия растет, словно на дрожжах! Всюду какие-то стройки, строят дороги, заводы, фабрики, дома строят! У меня ощущение, что я не вернулся в патриархальную Россию, а вновь в Америке!

Да, за истекший год многое изменилось. Объективно говоря, за время царствования Михаила Второго изменилось все. Маршин не раз уже ловил себя на мысли, что словно кто-то перелистнул страницу книги, тем самым закончив набившую оскомину тошнотворную повесть и начав интересный роман, полный энергии и приключений.

Еще в начале прошлого года было трудно найти большего противника монархии и сторонника республиканского строя, чем Александр Тимофеевич Маршин, инженер московского автомобильного завода АМО. Все, что связано с

монархией, претило его просвещенной натуре. И известие в феврале 1917 года о том, что волнения в Петрограде фактически ничем так и не закончились, кроме смены царствующего императора, весьма расстроили его. И он уже всерьез подумывал об эмиграции в Америку.

Но гримаса судьбы распорядилась так, что свою будущую невесту Александр Тимофеевич случайно встретил именно в толпе, которая собралась у Александровского вокзала приветствовать прибывшего в Москву нового императора Михаила Второго. И что удивило тогда Маршина, так это открытость нового царя, отказ от пышных церемоний встречи и всего прочего, что вызывало у самого Александра Тимофеевича глубокое отвращение.

Впрочем, перенос столицы в Москву лишь добавил неустроенности в размеренный быт инженера Маршина, поскольку для переезжающих в Первопрестольную министерств и ведомств требовались помещения, и власть добровольно-принудительно заключала выгодные договоры найма с собственниками больших доходных домов, тем самым принуждая квартиросъемщиков к переезду в другое место. А с этим в Москве оказалась весьма серьезная проблема, свободных квартир, как выяснилось, было слишком мало с учетом переезжающих из Петрограда, да и цены очень сильно взлетели, что рисовало перспективы найма практически клоповника у черта на куличках, где-нибудь в районе Воробьевых гор, в той же Живодерной слободе в доме с видом на Ка-

натчикову дачу. Благо судьба, в виде случайно споткнувшегося о его чемодан капитана Артемьева, избавила его от соседства с психиатрической больницей и Даниловским кладбищем, порекомендовав ему хорошую квартиру не так далеко от завода АМО, а управляющий тем домом Евстафий Елизаров был достаточно любезен, чтобы устроить все в самом лучшем виде.

Маршин усмехнулся своим воспоминаниям. Да в той квартире в районе Серпуховской заставы он и обжиться толком не успел – сначала его мобилизовали в армию, назначив чин зауряд-капитана и отправив в конструкторское бюро в Подмоскovie, а затем его, в составе официальной делегации, отправили в Америку, в ту самую Америку, в которую он раньше так стремился всей душой. Впрочем, и Евстафий Елизаров, как потом выяснил Александр Тимофеевич, также не задержался в том доме, став личным камердинером самого государя императора. Такой вот поворот судьбы.

В США же их делегация развила бурную деятельность, ведя переговоры о покупке лицензий на всякие технические новшества, а затем уже и на самого Маршина была открыта фирма, официально занимающаяся вербовкой специалистов для работы в России по контракту. Так что теперь Александр Тимофеевич жил, как говорится, на три страны, курсируя между Америкой, Россией и Ромеей. И, бывший вначале тоненьким ручейком, поток специалистов постепенно превращался в полноводную реку. В Россию и Ромею ехали до-

вольно охотно, поскольку государь император на это средств не жалел и с американскими специалистами подписывались весьма выгодные контракты.

И конечно, помимо специалистов, в Единство шел поток лицензий, оборудования, прочих грузов технологического и интеллектуального свойства, что в комплексе поставок по ленд-лизу сделало свой вклад в оживление развития России и РOMEИ. А потом речь пошла уже о строительстве целых заводов и фабрик, которые выпускали легковые и грузовые автомобили, трактора, прочую технику строительного, промышленного и сельскохозяйственного назначения. И насколько знал Александр Тимофеевич, это было только начало.

Впрочем, сегодня Маршин прибыл в Москву не по служебным делам. Дело было сугубо личным и очень волнительным – Александр Тимофеевич собирался просить у генерала Иволгина руки его младшей дочери, и то, что на нем сейчас была военная форма с капитанскими погонами, было очень весомым плюсом в этом деле. У прославленного генерала был пунктик насчет того, что все мужчины в его доме должны быть только офицерами. Да что там мужчины, ведь даже старшая сестра Елены Наталья Николаевна сама была офицером Сил специальных операций в чине поручика и имела несколько боевых наград! Так что пусть генералу Иволгину не дал Бог сыновей, но по крайней мере мечта о том, чтобы дети стали офицерами, все-таки сбылась. По крайней мере в

части старшей Натальи, пусть она ныне служит не в армии, а при дворе, являясь одной из самых приближенных дам к государыне императрице.

Поэтому Александр Тимофеевич вовсе не удивился требованию Елены быть в военном мундире в день знакомства со старшей сестрой в Константинополе. Более того, сама камер-фрейлина ее величества пришла на встречу в своей офицерской форме.

Впрочем, женщина в военной форме в России и Ромее давно уже является обычным делом. Тысячи и тысячи дам всех возрастов поступили на военную службу или в Императорскую Службу спасения, тем более что сама государыня часто предпочитала появляться на официальных мероприятиях в своем мундире генерал-майора ИСС, августейшим шефом которой она и являлась.

А уж сегодня форма инженер-капитана точно должна была послужить добрую службу.

– Ну, что? Готов к знакомству с генералом? – Елена лукаво смотрела на Маршина. – Не передумал просить у отца моей руки?

Они остановились у ворот особняка, и Александр Тимофеевич, держа в руках огромный букет роз для матушки своей избранницы, решительно кивнул:

– Готов!

– Ну, тогда в атаку, мой герой!

**Империя Единства. Ромея. Константинополь. Площадь перед собором Святой Софии. 5 мая 1918 года**

– Христос воскрес, Сергей Николаевич!

Министр иностранных дел граф Свербеев склонил голову:

– Воистину воскрес, ваше величество! Государь! Только что пришло два срочных сообщения. Генерал Кемаль провозгласил создание Турецкой республики, а Великобритания немедленно ее признала в качестве правопреемника Османской империи...

# Глава V

## Турецкие шахматы

**Империя Единства. Ромея. Константинополь. Дворец Единства. Кабинет его величества. 5 мая 1918 года**

– Что ж, тогда вам слово, Сергей Николаевич.

Граф Свербеев поднялся с места.

– Ваше величество! Мы провели срочные консультации с внешнеполитическими ведомствами Римской империи и Греции. В обеих столицах я нашел единство мнений о крайней нежелательности признания генерала Кемаля и о том, что такой шаг со стороны официального Лондона может серьезно осложнить ситуацию в регионе. Кроме того, достигнута договоренность об усилении охраны побережья, пограничья и воздушного пространства для препятствования поставок оружия и боеприпасов кемалистам.

– Что Франция?

– Из Орлеана пока не пришел ответ на наше обращение.

Я нахмурился.

– Это плохо. Нам нужна демонстрация единства в этом деле, а Франция, как-никак, имеет свой кусок территории, который все еще населен подданными Османской империи, да и к тому же все еще претендует на статус великой державы. И прозондируйте мнение Вашингтона на этот счет, нам тут не хватало только их песен про право наций на самоопре-

деление.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Есть новые данные, Александр Андреевич?

Генерал Свечин поднялся.

– Государь! Генерал Гусейн Хан Нахичеванский сообщает из Анкары, что султан весьма прохладно отнесся к его сообщению о готовящемся наступлении или как минимум о готовящейся большой вылазке кемалистов. Безразличным голосом султан заявил, что доблестные войска халифа правоверных разобьют изменников, а самому Мехмеду Пятому вскоре принесут голову вероотступника Кемалья. И вообще, мол, на все воля Аллаха. В то же самое время, по данным нашей резидентуры в Анкаре, в казармах никакой тревоги не объявлялось и войска в боевую готовность не приводились.

Что ж, Мехмед V совсем уж дураком не был и прекрасно понимал, что мы будем его поддерживать в подобном случае и, если что, будем подпирать его трон своими штыками, поскольку допустить победы Кемалья мы не можем.

Впрочем, точно так же султан понимал, что и ему одержать полную победу над Кемалем мы не дадим, поскольку его чрезмерное усиление вовсе не в наших интересах. Поэтому и занял выжидательную позицию, фактически сев нам на шею в плане обеспечения Османии продовольствием и предоставления ему военной поддержки, по существу шантажируя нас возможным резким усилением набегов на территорию РOMEИ, а также тем, что в случае голода он не смо-

жет удержать власть и тогда единая Турция во главе с Кемалем станет быстрой реальностью.

Что ж, во многом Мехмед V был прав. Особенно в части того, что Кемаль обязательно поднимет знамена реванша, а единая Турция очень быстро обратит свои штыки вовне. И тогда нам придется воевать всерьез и воевать большей частью в горах. И опыт войны на Кавказе и в Афганистане доказывает, что дело это долгое и очень хлопотное.

Особенно если воюющим против тебя периодически подбрасывать оружие и патроны целыми дирижаблями. И если не забывать о том, что на территории РOMEИ, РИМА и ГРЕЦИИ проживают миллионы подданных султана/халифа, которых мы не можем выселить и от которых можно ожидать чего угодно. Особенно если халиф объявит джихад.

Конечно, джихад во время Первой мировой ему не сильно помог, но тем не менее это весомый аргумент.

В общем, Мехмед V, безусловно, себе на уме и что-то замышляет, пока стараясь использовать нас в своих интересах.

Начальник ромейского Генштаба меж тем продолжал свой доклад:

– Со своей стороны мы удвоили количество разведывательных вылетов и перебрасываем в Ликию дополнительно полк истребителей для патрулирования побережья Малой Азии. Благо все еще действует приказ Кемалья не стрелять по ромейским самолетам.

Такой приказ действительно был. Кемаль не хотел ослож-

нять отношения и надеялся, что мы его все ж таки признаем.

Свечин продолжал:

– Однако, государь, я бы ходатайствовал о переброске в Ромею еще хотя бы одного полка «Муромцев», на случай если кемалисты действительно бросят вперед большие силы, а войска султана просто побегут или начнут переходить на сторону Кемалья. Помимо военной составляющей, это дало бы важный психологический эффект, в том числе в плане сдерживания изменнических настроений в армии султана.

Главной опасностью наступления Кемалья был именно отнюдь не нулевой риск измены офицеров и генералов султанской армии и массовый переход войск под знамена кемалистов. А после провозглашения Турции, продолжать яростно топить за султана будут только сильно верующие офицеры, сохраняя верность своему халифу. А таких фанатиков среди офицеров не так много. Но это только одна сторона медали.

– Думаю, Александр Андреевич, что Кемаль просто мечтает о том, чтобы мы обстреляли или разбомбили его войска, уповая на то, что это поднимет против нас всех мусульман, в том числе и тех, кого как-то уже удалось замирить на территории Ромеи.

– Как вам известно, государь, мы отработали план на этот случай заранее. Мы постараемся избежать посылать в бой христиан во время этой операции, не давая аргумент Кемалю и его генералам. Уже заканчивается формирование двух сводных полков из числа принесших присягу верности

вашему величеству казаков магометанского вероисповедания из состава Анатолийского, Евфратского, Понтийского и Ликийского казачьих войск, под командованием офицеров и унтер-офицеров мусульман из числа русских подданных. Точно так же, как вся миссия Главного военного советника султана – генерала Хана Нахичеванского, укомплектована исключительно из числа единоверцев осман из обоих лагерей.

– Когда мы будем готовы двинуть эти два полка в Османию?

– План подготовки предусматривал отладку взаимодействия еще на протяжении двух недель, но при необходимости мы можем ускорить. Смею полагать, что к моменту, как султан запросит нашей помощи, оба полка будут готовы перейти границу. Имеющихся у нас сил вполне достаточно для того, чтобы разгромить любое возможное количество сил у Кемаля.

– Ну, Александр Андреевич, если бы речь шла о вышколенном и закаленном в боях русском легионе преторианской гвардии, я бы ничуть не сомневался в этом, но два сводных полка, набранных из османских горе-воjak, которые перешли к нам на службу за кусок хлеба, – это несколько другой коленкор. Тут как бы за спинами этих, так сказать, казаков не пришлось бы ставить заградительные отряды.

Свечин позволил себе пожать плечами.

– Зато, государь, мы точно будем знать, чего они стоят, и,

если что, их как-то не особо жалко.

Киваю.

– Да, определенная логика в ваших словах есть, не спорю. Не считая оружия, с которым они могут перебежать к Кемалю.

Начальник Генштаба Ромеи бросил еще один аргумент на чашу весов:

– Кроме того, ваше величество, в Константинополе расквартирован сводный полк Дикой дивизии. При необходимости мы можем задействовать его.

Можем-то можем, но не очень бы хотелось. Впрочем, эти-то точно к Кемалю не перебегут, ибо он им вообще никто, даже не халиф, не говоря уж о русском императоре, за которого они пасть порвут. Вслух же интересуюсь:

– Хорошо, а как там другие регионы? Отработаны ли каналы поставок султану пушечного мяса из числа правоверных прочих стран?

Свечин утвердительно склонил голову.

– Так точно, ваше величество. Каналы пополнения войск султана сторонниками халифата практически отработаны, и первые отряды мусульманских фанатиков уже прибыли в Османию из Индии и Афганистана. Через русский Туркестан, Каспий и Кавказ, а затем через порты Ромеи афганцы и мусульмане Индии были доставлены под ясны очи султана. Добровольцы же из Марокко прибыли Средиземным морем. Однако смею напомнить, государь, что добровольцы эти

элемент крайне ненадежный и с удовольствием будут резать и наших солдат, а не только кемалистов. Кроме того, каждый боевик из Афганистана, Индии и особенно из Марокко является потенциальным переносчиком «американки», что чревато вспышкой пандемии на наших землях. Поэтому без возникновения острой на то необходимости мы предпочитаем серьезно ограничивать этот поток.

– Я понимаю. Хорошо, а в случае кризиса сколько времени потребуется на переброску новых добровольцев?

– Для прибытия первой партии добровольцев потребуется до двух недель, а потом число прибывших будет расти по мере того, как желающие будут добираться до мест, откуда мы их готовы забирать.

Хм-хм. До двух недель, значит...

– Понятно. Впрочем, иметь под рукой и этот весомый аргумент всегда полезно. Бронеходы наши, кстати, когда прибывают?

– По графику, эшелон с ротой бронеходов БР-18 прибывает в Константинополь завтра, ваше величество.

Ну, вот и славно. Семнадцать легких танков, вдруг что, вместо полигона могут пройти испытания в реальном деле. Не дай Бог, конечно, дело дойдет до их применения.

Обращаюсь к Палицыну:

– Федор Федорович, организуйте переброску полка «Муромцев».

Министр обороны Единства встал и склонил голову:

– Слушаюсь, ваше величество!

**Империя Единства. Ромея. Константинополь. Штаб-квартира Ромейских сил специальных операций. 5 мая 1918 года**

– Что там, Ермолаев?

– Ваше сиятельство, вам шифрограмма.

Граф Слащев поднял голову от бумаг и кивнул:

– Давай.

Адъютант командующего ССО подал бланк. Генерал разорвал и без особого удивления прочитал:

«ТЕГЕРАН-43».

Что ж, к этой душещипательной истории все и шло.

**Империя Единства. Ромея. Константинополь. Радиоцентр. 5 мая 1918 года**

– Говорит «Радио Царьграда». Мы начинаем наше вещание с новостей этого часа.

Граф Суворин постучал по дереву. Что ж, с почином, Борис Алексеевич! Еще одна радиостанция начала вещать на Ромею. Конечно, пока охват не так велик, но не пройдет и полугода, как новая башня инженера Шухова поднимется над Константинополем, позволяя «Радио Царьграда», «Делу освобождения», «Женскому слову», «Голосу Иерусалима» и другим станциям Ромеи транслировать свои передачи на основных языках региона на тысячи километров Средизем-

номорья, Ближнего Востока и Северной Африки.

Мог ли он, прожженный циник, подумать о таких возможностях еще в январе-феврале 1917 года? Однозначно нет! Прежний царь Николай не доверял прессе, сторонился любой возможности общения с подданными через газеты, а репортеров однозначно считал угрозой своей власти и всему, что, в его понимании, олицетворяло Россию.

Но пришел новый император, и, к удивлению Бориса Алексеевича, Михаил Второй пожелал видеть его. Причем в самый разгар мятежа 6 марта 1917-го, когда власть императора Михаила висела практически на волоске! И именно в этот момент нынешний граф Суворин понял – пришло его время. Император дал ему карт-бланш. Более того, в разговоре с новым царем Борис Алексеевич вдруг ощутил родственную душу, причем не только как прогрессиста и монарха нового времени, но и как человека, который тонко чувствует все перипетии публичного слова и игры с общественным мнением. Словно по мановению волшебной палочки исчезли все препоны, а фонды на развитие РОСТА и Министерства информации были выделены такие, что впору было сравнивать с расходами на Министерство вооружений!

**Империя Единства. Ромея. Константинополь. Дворец Единства. Кабинет его величества. 5 мая 1918 года**  
Доклад главы ведомства внешней политики Империи Единства всегда был образцом респектабельности и иллю-

страцией утонченного вкуса. Вернее, конечно, не сам доклад, а его докладчик. Граф Свербеев был не только искусен в дипломатических игрищах, но и являл собой образец ценителя произведений искусства. Причем нужно отдать ему должное, он не прятал свою коллекцию от общества, а, наоборот, учредил свой небольшой музей, передвижные выставки которого колесили по крупным городам обеих империй. И в этом плане наше завоевание РOMEИ позволило его агентам развернуться во всю ширь в результативных поисках наследия прошлого.

Впрочем, как тонкий политик, он не забывал о том, где он и кто он, нередко жертвуя прекрасные экспонаты для Императорского музея в Константинополе. Разумеется, я распорядился в описании к каждому такому экспонату добавить надпись о том, благодаря кому музей получил этот прекрасный образчик какой-нибудь Античности.

Но сегодняшний доклад довольно мало перекликался с античными мифами и прочими сказаниями всяких там Гомеров. Сплошная проза бытия. Впрочем, может, и эту бурную эпоху опишет какой-нибудь писатель-песенник.

– Государь! Сегодня в Форин-Офис был вызван американский посол, где ему был заявлен решительный протест в связи с участвовавшими случаями появлений подводных лодок и надводных судов США в установленной Лондоном сорокамильной «зоне безопасности», запрещающей подход иностранных кораблей и судов к побережью мятежной Ирландии.

дии. Очередной случай как раз произошел вчера вечером. Американскому послу было заявлено, что флот его величества получил приказ открывать огонь по нарушителям карантина, под каким бы флагом они ни ходили.

Хмыкаю.

– Помнится, позавчера туда же вызывали германского посла?

– Именно так, государь. Германию обвинили в поставках оружия ирландским боевикам, а также в том, что немецкие пилоты, под видом ирландцев, бомбят позиции британских войск в Ирландии.

Вздыхаю.

– Как страшно жить – никто не любит Британию. Учитывая объем вооружения, которое оставили в Ирландии выведенные оттуда германские войска, ирландцам есть чем воевать. Впрочем, оружия много не бывает, а после окончания войны у великих держав его явный переизбыток.

Свербеев склонил голову.

– Точно так, ваше величество. Кстати, вчера поступила информация об аналогичном вызове в Госдепартамент посла Британии. Лондон обвинялся в поставках оружия не только мексиканским правительственным войскам, но и другим группировкам, включая революционные. США обвинило Великобританию во вмешательстве во внутренние дела Мексики и действиях, нарушающих интересы Америки в Западном полушарии, которые основаны на доктрине Монро.

Киваю.

– Америка для американцев из США.

– Именно так, государь.

Да, геополитика – грязная штука. Впрочем, и мы ничуть не лучше, уж поверьте мне на слово. Или не хуже? Тут уж как посмотреть. И с какой колокольни. В конце концов, и мы сами через всякие подставные конторы и группировки поставляем оружие и деньги в те же Ирландию с Мексикой, как, впрочем, и в Индию. А те же британцы поставляют винтовки Кемалю и в наш Туркестан.

Окончание мировой войны перевело сражения великих держав в битвы чужими руками под чужим солнцем. И методы от этого чище точно не стали. Ни для кого не является секретом, что большинство ведущих держав мира, возможно за исключением России и Италии, не достигли своих целей в ходе минувшей войны. Не буду оригинальным, высказав мнение, что мы получили лишь передышку в 20–25 лет и Великая война продолжится с новой силой, но уже в другой конфигурации союзов. Несмотря на формальное сохранение договора об Антанте, с окончанием Великой войны все военные союзы можно считать фактически распавшимися. Полный провал переговоров о создании Верховного совета Антанты и серьезное напряжение между Великобританией и США тому яркие примеры.

Однако пока невозможно с уверенностью предсказать, кто из великих держав станет нашим главным противником.

Возможно, это будет Германия, возможно, Великобритания или, что нельзя исключать, Америка, а быть может, и союз между этими державами. Последний вариант возможен в случае значительного усиления позиций Единства в мире.

Однако если смотреть на вещи трезво, сложно представить, настолько мощный, прямо скажем, взрывной рост могущества и влияния России в ближайшие два десятка лет, чтобы все три ведущие державы мира заключили союз против нас. Посему конфликт интересов между США и Великобританией мне представляется наиболее вероятным.

Ну, в моей истории конфликт не вылился в такое уж рубилово между ними, но, с другой стороны, в моей реальности и Британия была куда более ослаблена войной, а Америка куда больше имела сил и влияния в Европе, чем сейчас. А доступ в британские колонии Вашингтону нужен кровью из носу. Поэтому: «Да здравствует свободная торговля, глобальный рынок, права человека, право наций на самоопределение и долой британский гнет!»

Поскольку главную опасность для Великобритании в настоящее время представляют США, а между Россией и Америкой явно наметилось потепление, то я не исключал бы возможности новых попыток установить союз между Лондоном и Берлином. Британии нужно пушечное мясо на континенте, а Франция находится в определенном упадке для того, чтобы англичане всерьез на нее рассчитывали. К тому же новый король Эдуард VIII страдает явным германофильством.

Да, парень сильно переживал по поводу братоубийственной войны между Англией и Германией. Потому и поспешил согласиться на мир. Впрочем, ему, как и мне год назад, надо было срочно разобраться с домашними делами, и война этому весьма мешала.

Тем временем Германия стоит перед выбором направления экспансии. Реваншизм Германии видится вполне очевидным, поскольку Второй рейх не достиг практически ничего в этой войне, а по ряду позиций уступил. Стране нужны новые территории, колонии, ресурсы и рынки сбыта. И в Берлине в настоящее время идет подковерная битва разных концепций, которые можно условно назвать – на юг, на восток, на запад и за море. Однако движение за море, после потери при Моонзунде одиннадцати линкоров, потребует постройки нового мощного флота, движение на восток пока сопряжено с огромными трудностями ввиду возможной войны с Россией, движение на запад ограничено Францией, а на юг – Австро-Венгрией. Но усиление позиций Германии в колониях невыгодно ни Британии, ни США, а Франция, конечно же, стремится отвести удар от себя и от своих колоний. Так что в этом вопросе позиции Лондона, Вашингтона и Орлеана во многом совпадают в желании направить германскую экспансию на Восток, причем Британия и США, понимая, что поход против России не будет легкой прогулкой, склонны позволить Германии усилиться за счет Австро-Венгрии, причем так, чтобы интересы немцев вошли в конфликт с на-

шими интересами в регионе.

Пока же, насколько можно судить, побеждает концепция «на юг», поскольку Берлин значительно смягчил свою позицию на переговорах в Стокгольме относительно сохранения единства Австро-Венгрии, допустив возможность вынесения этого вопроса на местные референдумы. Судя по всему, приобретение вследствие «уточнения границ» части австрийских земель разогрело аппетиты в Берлине, и они уже засматриваются на присоединение всей Австрии и Судет к Германии, а также на создание Чехии в качестве полунезависимого протектората немцев. Идея Великогерманского рейха становится все более популярной в высоких кабинетах Берлина. Кроме того, распад Австро-Венгрии позволит Германии продвигать зону своих интересов на юг, беря под контроль одно государство за другим.

Министр иностранных дел продолжал:

– Ситуация в Австро-Венгрии остается неопределенной. Переговоры в Вене зашли в тупик, поскольку Венгрия категорически возражает против преобразования Австро-Венгрии в формат Австро-Венгро-Славии и исключения из состава Транслейтании территорий Хорватии и Славонии.

– А как венгры относятся к тому, что та же Румыния предъявит им свои требования в части Трансильвании?

– В Будапеште уверены в том, что они легко справятся с румынской армией, а также в том, что никто не станет в нынешних условиях воевать за Румынию.

– Понятно. Продолжайте.

– Смею также напомнить вашему величеству, что некоторые группы, в том числе из воевавших на нашем фронте чешских и словацких корпусов, обращаются к Москве с просьбой признать независимость Чехии и Словакии.

Киваю.

– Да, но как только мы это сделаем, то на сохранении Австро-Венгрии в том или ином виде можно поставить крест.

– Фактически это так, ваше величество. В целом, ситуация достаточно неопределенная с явной тенденцией к распаду Австро-Венгрии. Что, помимо прочего, делает весьма вероятной войну между Румынией и Венгрией, а это означает серьезную угрозу для безопасности этого фланга Империи Единства и угрозу для транспортных коммуникаций между Россией и Ромеей.

Свербеев вновь перелистнул страницу и продолжил свой доклад о внешнеполитической ситуации:

– Великобритания вновь активизирует свои усилия в зоне восточного Средиземноморья. Помимо открытой поддержки режима генерала Кемаля, отмечаются активные контакты с влиятельными кругами Сербии и Греции, что в случае обострения ситуации, учитывая географическое положение Греции, может представлять серьезную угрозу для судоходства в зоне Проливов и для Ромеи в целом. В связи с этим представляется желательным более тесное взаимодействие с Афинами. Более того, мне видится стратегически верным

включение Эллады в концепцию *Novum Pax Romana*.

Хмыкаю.

– Интересно. Продолжайте.

– Благодарю вас, ваше величество.

– Как известно вашему величеству, в нынешней Элладе весьма популярной является идея восстановления великой Эллинской империи, и на фоне воссоздания Ромейской и Римской империй, среди греков усиливается комплекс обделенности, неудовлетворенности существующим положением дел и ностальгией по былому величию. А провозглашение Ромейской империи нанесло по этим комплексам тяжелейший удар, поскольку, как считают многие греки, у них отобрали или даже украли их мечту, практически национальную идею. Что, в свою очередь, создает мощный фундамент для напряженности между Ромеей и Грецией, при том что географически Греция очень важна для безопасности Ромеи. И нам важно не толкнуть Элладу в объятия, как метко вы выразились, ваше величество, наших заклятых друзей из Лондона, а, наоборот, максимально вовлечь ее в нашу сферу влияния.

– Это понятно. Продолжайте, граф.

– Положение короля Константина Первого достаточно зыбко. С одной стороны, он благодарен нам за то, что мы фактически вернули ему трон, прислав эскадру боевых кораблей к берегам Греции в качестве почетного эскорта. С другой, вся история с Ромеей делает его в глазах народа и

элит монархом-неудачником, да еще и ставленником русских, которые отобрали у греков РOMEЮ. Я имел сегодня продолжительную встречу со своим греческим коллегой, который, как известно вашему величеству, прибыл в Константинополь с рабочим визитом. Ситуация довольно тяжелая, и позиции проанглийской партии вновь усиливаются. Пока до нового изгнания короля дело не дошло, но к тому идет, и наша задача не допустить этого. В связи с этим я предлагаю вернуть грекам мечту и поднять чувство собственной значимости. В конце концов, чем они хуже итальянцев?

Ну, например, тем, что у них не было принцессы Иоланды Савойской. Но, в принципе, Свербеев прав, греки ничем не хуже. Толком воевать не умеют ни те, ни другие, а стратегическое положение важное и у тех, и у других.

– И каким образом вы предлагаете поднять грекам чувство собственного величия?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.